№ 74 — 75 Сентябрь — Октябрь 1936 года Цена 15 сентов

Рос 4-4
ОС 1-105

ПРОБУЖДЕНИЕ

ОРГАН СВОБОДНОЙ МЫСЛИ

СОДЕРЖАНИЕ

Испанская гражданская война: — — ПЕРЕДОВАЯ
О глупости и зловредности закона о наемном труде — ЖАН ГРАВ
Война — — — Б. ГЕРШЕНФЕЛЬД
Отрывок из соц. романа «Марсиане» АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВ.
а) Мнения видных американцев о диктатуре. б) Положение китайских крестьян. в) Борьба за рынки МАРК СТЕПНОЙ
Анархия и классовая борьба — — Л. ЛИПОТКИН.
Вокруг «Исповеди» Бакунина — — Р. СЛОВЦОВ
П. Кропоткин — — — — — А-М.
Стихи и мелкие заметки.

Рос 4-4
1-105
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
13 ОТДЕЛ
им. В. И. ЛЕНИНА
64-200

ПРОБУЖДЕНИЕ

ОРГАН ФЕДЕРАЦИИ РАБОЧИХ СОЮЗОВ БЕЗВЛАСТНИКОВ
СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ И КАНАДЫ

PROBUZHDENIE

9219 RUSSELL STREET DETROIT, MICH.

№ 74—75. СЕНТЯБРЬ-ОКТЯБРЬ 1936 Г.

СОДЕРЖАНИЕ: ПЕРЕДОВАЯ. Испанская война. — **ЖАН ГРАВ.** О глупости и зловредности закона о наемном труде. — **Б. ГЕРШЕНФЕЛЬД.** Война.—**АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВ.** Отрывок из социального романа «Марсиане».—**МАРК СТЕПНОЙ.** а) Мнение видных американцев о диктатуре.. б) Положение китайских крестьян. в) Борьба за рынки. — **Л. ЛИПОТКИН.** Анархия и классовая борьба.—**Р. СЛОВЦОВ.** Вокруг «Исповеди» Бакунина. — **А-М. П. Кропоткин.** — Стихи и мелкие заметки.

Испанская гражданская война

Обращение испанских анархистов и анархо-синдикалистов к трудящимся всего мира гласит:

«Испанский фашизм, восставший против свободной воли испанского народа, терроризует и затопляет в крови провинции под своим контролем. Тысячи рабочих убиты в Андалузии, в Арагоне, на Балеарских и Канарских островах. Нет пощады ни женщинам, ни детям, ни старикам. Превзойдены все ужасы Аустурийской трагедии. Людей сжигают живьем, рубят на мелкие куски. В Сарагоссе наше сопротивление утопили в крови; тысячи наших товарищей были казнены. Когда миру станет известно, как поступили фашисты с рабочими в Севилье, он содрогнется от фашистских ужасов.

«Дети с своими матерями выставлялись впереди фашистских баррикад с тем, чтобы удержать наших товарищей от стрельбы. Они обстреливали нас с амбулансов, неприкосновенность которых соблюдается во всякой войне. Санитарные автомобили со знаками красного креста превращались ими в боевые автомобили, вооруженные пулеметами».

Об этих фашистских зверствах не мешает напомнить всем тем, кто возмущается «эксцессами» левых в Испании.

В связи с образованием в Мадриде «левого» правительства во главе с социалистом Кабаллеро, анархисты опубликовали декларацию, в которой заявляют, что новое коалиционное правительство только задерживает успешное развитие социальной революции. Подобным-же тормозом считают они и диктатуру пролетариата на советский манер ,если бы таковая появилась в Испании.

«Каталония, — гласит декларация анархистов, — указывает рабочим дорогу.

Вновь завоеванные рабочими права должны найти выражение в анти - фашистских рабочих советах на широком анти - фашистском базисе. Союз между Национальной Конференцией Труда и профсоюзами — единственный базис для экономического возрождения страны. Только в этом направлении анархисты готовы сотрудничать с антифашистскими групами. Ни в коем случае они не вверят ведения антифашистской революционной борьбы государсвенной бюрократии и не согласятся на централизацию ее даже в том случае, если-бы состав представителей партий в правительстве был изменен. Революционная, автономная Каталония примет меры к тому, чтобы новые пути были применены во всех частях страны и чтобы разлагающиеся формы буржуазной политики и министерского бюрократизма исчезли».

В бюллетене «Испанская революция», издаваемом в Нью Иорке, один из активных каталонских анархо - синдикалистов — Дюрутти — излагает программу общественного устройства, которое может возникнуть в случае сокрушения фашизма.

По словам Дюрутти, это будет индустриальная демократия, базирующаяся на экономических организациях рабочего класса, а не на идеологии какой-либо политической партии или группы. В массовых организациях меньшинственные группировки будут пользоваться значительной долей свободы. Права отдельной личности также будут защищены в более полной мере, чем в буржуазных странах.

— Но даже в случае победы вам достанутся только груды развалин, — заметил Дюрутти интервьюировавший его корреспондент.

— Мы всегда жили в трущобах и дырах в стенах, — отпарировал Дюрутти. Мы знаем, как временно устроиться при любом положении. Но вы не должны забывать того, что мы умеем создавать. Это мы, рабочие, построили все эти дворцы и города в Испании, в Америке и повсюду. Мы можем взамен разрушенного построить все новое и лучшее. Нас нисколько не пугают руины. Мы унаследуем землю, и в этом нет ни малейшего сомнения...

Анархо - синдикалистская Конференция Труда в Каталонии руководит теперь работой Водоснабдительной и Газовой Компании, одной из самых больших в Испании. Эта компания снабжает водой и газом не только Барселону, но и Гранаду, Малагу, Валенцию, Ст. Фердинанд и Сантандер.

В первую очередь Рабочий совет упразднил излишние места и высокие оклады жалованья. Полученные от этого деньги в сумме 240,000 пезет использованы для необходимых санитарных улучшений. Под контролем синдикалистских комитетов — подземные железные дороги в Барселоне. В течение одного месяца эти комитеты с'экономили 36,000 пезет. Собвеи оперируются успешно, благодаря сотрудничеству инженерного персонала с комитетами.

Высокие оклады жалованья урезаны, а заработная плата повышена. Планируется удлинение линий и снижение проездной платы.

Железнодорожная линия Мадрид-Аликанте - Сарагосса — под совместным контролем анархо - синдикалистов и социалистических профсоюзов. Директорские должности упразднены. Железные дороги работают исправно. Доходы их повысились.

В Барселоне социализируется одежная промышленность. Производством руководит профсоюз портных. Рабочие в этой отрасли разделены на четыре категории: учеников, подмастерьев, мастеров и техников. Рабочий день — шесть часов. Имеются юнионные школы для повышения квалификации. Заработная плата регулируется общими собраниями. Проводится принцип равенства оплаты труда.

В состав Конференции Труда входит автономный союз дентистов и инструкторов Барселонского университета. Большие имения конфискуются и поступают в распоряжение сельских комитетов, устанавливающих порядок их эксплоатации. Арен-

JEAN GRAVE.

О глупости и зловредности закона о наемном труде

Различие характеров и темпераментов, которые безграничны у людей, те, которые захватывают власть, мало заботятся об этом разнообразии. Они предписывали свою волю так, как это им нравилось, тем, кого они подчиняли, подвергая различным наказаниям (смотря по расположению) тех, кто им не подчинялся или подчинялся не достаточно быстро.

С течением времени, следуя эволюции, начинают обсуждать законность авторитета и ограничивать тех, кому принадлежала власть.

Люди начинают претендовать, что они более способны лучше управлять общественным порядком; они просят у населения доверить им заботу об управлении ими. Большинству предоставляется право справедливого решения.

Но эти будущие законодатели, нашли ли они равнодействующую различных характеров и темпераментов? Это мало вероятно. Впрочем, это и не привело бы к лучшему, дало бы один и тот же результат — все тот же произвол.

Те, которые голосовали за новых законодателей, становились более или менее довольны,но те, которые были против, начинали обличать их в произволе. И в течение веков это обошлось нам в несколько революций, в которых меняли имена институтов в то время, как люди у власти, чтобы их заместить другими, обещали поступать лучше. А, спустя некоторое время, снова слышалось недовольство, которое становилось все более и более сильным, до тех пор, пока народ, натерпевшись от этого, начинал новую революцию, которая не была лучшей, чем предшествующие.

Имеется ли какое нибудь решение проблемы, которое привело бы нас к результатам, более соответствующим нашим добрым пожеланиям? Да,но, до сих пор никто этого не замечал.

«Результаты были плохими, потому что законы были плохие, нужно было бы делать хорошие или лучше их вырабатывать, потому что люди, которые должны их применять, применяли их плохо». Меняли людей или законы, или то и другое вместе, но от этого ничуть не становилось лучше.

***

Дело в том, что, привыкнув жить под властью с тех пор, как он сам себе стал отдавать отчет, человек не может себе представить, что общество могло бы итти нормально ,если бы над ним не было авторитета, который бы его направлял на правильный путь.

Общество, где люди свободно могли бы эволюционировать, согласно своим собственным взглядам, об'единяться с теми, кто разделяет их мировоззрения в том или ином отношении, могло бы привести неизбежно только к катаклизму.

И продолжали поддерживать власть, делать законы, не обращая внимания на то, что это противоречило их прогрессивным взглядам. Власть существует для того, чтобы создавать счастье тем, над кем она управляет, она стремится делать лучше, и вина тех, к кому эти законы прилагаются, если результат получается отрицательный.

Здесь, маленькое замечание: я говорю об искренних политиках, о политиках идеалистах, кootрые действительно хотят выполнить свои обещания, и таковые встре-

---

ная плата уменьшается на-половину; уничтожается квартирная плата и т. д.

Все это говорит о том, что испанские массы вступили на путь коренных социальных преобразований. И если их не раздавит фашизм, то и в самом деле в Испании может зародиться новый общественный строй, отличный от фашизма и большевизма, при котором человек освободится от политического и экономического порабощения.

чаются иногда, но очень редко, так как на практике, те, которые претендуют на власть, имеют только одну цель: использовать это в свою пользу и на пользу своей клики. Этим заканчивается наше примечание.

То же, что показывает зловредность и глупость законов, — это то, что мошенники, изучив хорошо юриспруденцию, могут этим воспользоваться, чтобы обкрадывать и издеваться над своими жертвами.

Теперь, не приходим ли мы к заключению, что законы ничему не служат.

Их манипуляция приводит к созданию лиц, назначенных для их выработки, и которые живут в довольстве за счет идиотов, которые не только их терпят, но и назначают для этой функции.

Это приводит к созданию также другого класса лиц, которые назначены прилагать эти законы: магистратуры, которая не только живет за счет населения, но и стала господином жизни, свободы и будущего счастья людей, которые ее терпят, не решаясь повернуть даже своего собственного носа по своему усмотрению.

И это еще не все. За магистратурой следует целая толпа служащих, которая также ничего не производит в отношении улучшения жизненного благосостояния, довольствуясь тем, что они увеличивают число тунеядцев, живущих на счет тех, кто производит предметы потребления. Бесполезно перечислять всех шарлатанов, упомянем только еще армию.

Эта, последняя, теоретически, не должна отправлять полицейских обязанностей; ее назначение — защита территории. Но при нужде, когда происходят большие манифестации, забастовки и т. д., всем известно, что она выступает и в качестве полиции.

***

То же самое и в отношении заработной платы.

Согласно утверждениям защитников этой теории, это самый лучший способ позволить трудящемуся потреблять в той степени, в какой он производит. И на протяжении всей истории, мы видели, что трудящиеся всегда жаловались, что их эксплоатируют, что они не могут удовлетворить своих нужд, делали забастовки, чтобы увеличить свое жалование.

Все это, спустя некоторое время, не мешало вновь начать то же самое; новые ставки так же беспомощны были удовлетворить не только их нужды, что совершенно невозможно при существовании заработной платы, но и средний сносный достаток.

Те же, кто, живя на заработную плату, могут удовлетворять свои капризы или, во всяком случае, находиться в лучших условиях, могут быть только такие, которые занимают правительственные должности, более или менее высокое бюрократическое место, сенцкюру, откуда они следят и управляют работой, но никто из них сам не принимает участия в производстве.

Некоторые рассуждения нам это сейчас покажут.

Возьмем, например, рабочего, получающего, например, 50 франков в день. Возьмем ли мы больше или меньше, от этого дело все равно не изменится и мы придем к тому же самому результату.

Но этот рабочий производит на 60 франков потребительной стоимости,, на потребление которой он должен был бы иметь право за свои 50 франков. Да, но к стоимости произведенных им продуктов, по выходе от него сейчас же прибавляются: прибыль хозяина, амортизация заводского помещения, инструментов, уплата налогов и я еще не знаю что. Но это не все. В издержки каждого человека входят затраты делаемые для нужд, не имеющих потребительского характера, но которые пропорционально уменьшают его потребление в количестве потребительных предметов. Воспитание детей, плата за снимаемое им самим помещение, налоги, если это возможно. Если он идет в театр, если он берет извозчика, едет по железной дороге, покупает газету, книги, если любит читать, не считая, часто доктора и аптекаря.

Я не имею возможности из всего это-

то составить общей суммы, но я еще раз повторяю, что цифры имеют здесь значение только демонстративное. Немного больше или немного меньше, в результате заработная плата не позволяет ему потреблять то, что он производит или, по меньшей мере, на сумму получаемого им жалованья того, что он сам производит или того, что производят другие. Будет ли это 30, 40 или 50 процентов, но это будут те продукты, которые, не будучи потребленными, скопляются на складах, приводя к возникновению безработицы — еще одно ограничение в потреблении — до тех пор, пока магазины не опустеют и производство не восстановится.

Продукты, которые не потреблены производителем, будут потреблены, скажут мне, теми, кто не производит. Не все, так как время от времени, как в настоящий момент происходит безработица вследствие скопления продуктов. И это нам слишком хорошо показывает, насколько плох современный социальный строй.

Правители, магистратура и все их присные, чиновники, труд которых может быть необходим для правителей, капиталистов и фабрикантов, но работа которых абсолютно бесполезна для действительного производства и должны будут исчезнуть в разумно организованном обществе.

Добавим к этому священников, монахов, монашек, армию, домашнюю прислугу и, сосчитав все это, может быть останется три действительных «производителя» на десять человк. И, несмотря на это, время от времени происходит безработица, — что является совершенно бессмысленным, — приводящая к голодовке настоящих производителей.

Никто, даже те, которые заинтересованы, не отдают себе отчета в истинном происхождении этой бессмыслицы.

***

«Слишком много производят», говорят нам «почтенные экономисты», и каждый из них приносит свое целебное средство, от которого, впрочем, не становится легче, но поглощает очень много чернил и бумаги. Некоторые доходят даже до предложения о сокращении производства, в то время как технократы ищут увеличения, изобретая средства экономии во время работы некоторых жестов, которые они считают бесполезными.

Некоторые недоброжелательные, предлагают рождать больше детей, чтобы увеличить число потребителей, не забывая того, что спустя некоторое время, они также станут производителями.

Однако, говорят защитники существующей системы, мы видим увеличение заработной платы, которая приносит улучшение в жизни производителей. Не видим ли мы, что менее чем через сто лет, заработная плата увеличилась и настолько же улучшилось положение наемного рабочего?

Нет ничего более верного. Закон заработной платы не настолько уж незыблем, как об этом говорят. В нем всегда есть некоторая эластичность. Изменение заработной платы может принести некоторое улучшение в пользу наемных рабочих, но в этом есть ограничение. Самая эластичная резина рвется, если ее чрезмерно растягивают.

Сначала войны тарифы заработков поднялись на такую высоту, о которой никто не мог и мечтать в довоенное время. Вначале некоторые рабочие жили почти как буржуа, но это долго не продолжалось. На заработок в 50 франков в день рабочий не живет лучше, чем он жил раньше на 5 или 6 франков.

То же, что приносит действительно улучшение, в нормальное время, заработной платы, то этим мы обязаны не увеличению ее самой, а тем изменениям, которые происходят в отношении инструментов и способах их употребления, которые позволяют производить дешево, уменьшают себестоимость товаров, снижать производительную стоимость и продавать дешевле, на чем выигрывает потребитель.

Но производительную стоимость нельзя снизить до нуля. Факт употребления меры стоимости, которая существует в отношении продуктов, позволяет измерять со-

ВОЙНА

Из всех зол, человеком сотворенных, война является самым жестоким делом.

И хотя только хищническое наступление грозных полчищ создает войну оборонительную, как тирания создает революцию или войну освободительную, тем не менее никаким войнам нет оправдания. Ибо всякая война есть, прежде всего, разрушение, истребление и братоубийство. Все же войска составлены из нищих и рабов — рабочих, прежде всего убивающих друг друга за благосостояние врагов своих и недругов. Никто почти из сражающихся, или даже близких, никогда не имеет выгоды или какого либо иного удовлетворения от своего ужасного жертвоприношения на войне.

Всегда и повсюду среди большинства умеренных и трудолюбивых людей выделяются единицы — гении, искренние служители человечества, а также и такие, которые одарены хищнической натурой и стремятся закабалить других. Такие становятся политиканами, правителями, богачами-эксплоататорами; жадные и ненасытные, они стремятся не только подчинить себе людей из своего народа, но и покорить земли других стран и поработить народы их. Те исторические государи и правители, которые повинуясь своим диким инстинктам, за счет соседних государств увеличили свои владения больше других — менее воинственных — прославлялись. И теперь великие державы это те, которые сумели всячески ограбить другие народы и завладеть большими пространствами земли.

Всякая империалистическая или экономическая война, сначала кажущаяся выгодной зачинщикам, в последнем счете складывается невыгодно для всех как побежденных, так и победных стран, и пагубна для физически участвующих в ней в особенности.

На всех ложится бремя экономического истощения и аморальности; народы совершенно беднеют, вынужденные оплачивать все дефициты. Трудовой люд, по той же причине эксплоатируемый более обыкновенного, превращается чуть ли не в нищих. Выгода есть только единичным спекулянтам и правителям, всем их сподвижникам да банкирам.

Война по естественному существу своему в сущности является великим спором нескольких человек за свои личные ничтожные и лишь иногда небольшие общественные интересы, превращенным впоследствии в грандиозное кровавое побоище миллионов загипнотизированных и одурманенных патриотизмом, людей.

Когда то религиозные фанатики или

вершенно произвольно, как и она сама, так как нельзя фиксировать совершенно точно какой нибудь предмет. Прибегают к какой нибудь произвольной средней или по тому, является ли продукт в излишестве или редок или особенно спрашиваем.

Эта критика уже имела место давным давно, Лассалем, я думаю, но недостаточно в совершенном виде, не дав действительного целебного средства, т. е. не уничтожив ее так же, как и режим капиталистов.

Нужно, чтобы люди могли свободно об'единяться для производства с теми, кто имеет ту же точку зрения, одинаковые тенденции, чтобы эти группы могли также свободно об'единяться с другими группами, с которыми они могли бы обмениваться излишками своих продуктов, в обмен на те продукты, которые они сами не могут производить. Но этот обмен должен быть обменом услуг, без оценки стоимости обмениваемых продуктов. Общество таким образом станет большим агломератом федерированных между собою групп, без вмешательства групп - правителей.

Но это нас приводит к изучению того, что должно представлять будущее общество. Этот сюжет слишком обширен, чтобы могли его трактовать здесь.

ЖАН ГРАВ.

расовая чернь и патриоты, а ныне государственные люди и вообще узаконенные руководители масс, да большие предприниматели, экономически властные, под разными идеальными предлогами, а в сущности, преимущественно из эгоистических интересов оправдывали и поощряли да создавали войну.

О расширении своих владений мечтает всякое государство, как и об увеличении своих капиталов все богачи, а о грубой славе и почестях военщина. И многие, извлекающие прямо или косвенно хотя бы и мизерную выгоду из войны, даже сознавая огромный ущерб, страдания и смерть ближнего, тоже ждут кровавых дней.

Жаден, эгоистичен и ненасытен человек. Отстал он в нравственном отношении и в самой природе его таится звериное чувство. Разум человеческий тоже жесток, немилостив, часто беспощаден, поэтому не чувствует человека за ближнего. Неописуемые страдания на войне, море слез родных на дому — мало тревожат неучастника, извлекающего пользу в убийствах.

Итак, самая главная и кровная причина существования войн заложена в эгоистической натуре человека, создающей зависть и ненависть к другому человеку, толкает его на спор, обрекает его на убийство и, наконец, на массовое истребление, не могущее оправдать ни одной жертвы.

Государственные люди, военные и вообще одаренные деспотическим правом — инстинктом ложно и безчувственно толкуют о часто нарождающейся необходимости войны между народами за утверждение мирового неравенства, а иногда просто за существование; они сравнивают войну со всякой борьбой за материальный успех индивидов или групп, за свое превосходство или право физическое. Они же и создают дух войны. Массы же слепо и безжалостно следуют клике суровых людей.

Конечно, в таких случаях ближайшее соседнее государство суть то, в источниках природных или иных имуществах которого, ради своего существования, всякое другое государство нуждается. И ни одно государство не считается с другим, которому в свою очередь тоже необходимо существовать, расширяться и крепнуть, чтобы не исчезнуть с лица земли; также нужны земельная территория, как и моря, необходима коммерция, а также и природные богатства и многие предметы потребления, которыми в свою очередь тоже изобилует соседнее государство. И боязнь перед большим государством — соседом конкурентом зачастую служит причиной государственных раздоров; возникает спор правителей и вообще власть имущих из-за обладания еще одним клочком земли, новыми рынками, завершением которого является — беспощадно зверское побоище многих миллионов невольных и послушных рабов.

С логической точки зрения, да и с практической стороны, лучше и выгоднее любому из сталкивающихся государств, (на почве политической или экономической) пойти на самые крайние уступки вплоть до отдачи территории, коммерческих и всяких иных преимуществ и сохранить мир, значит — и жизнь многих людей, и достояния народные, нежели рисковать всем и чуть ли не все потерять с вступлением в войну.

Война, массовые убийства, океан крови, мучительные вопли умирающих; нескончаемые страдания родных по убитым; преступное создание вдов и сирот; миллионы увечных на всю жизнь, опустошение земли, уничтожение многолетних трудов народных!

По временам кажется, что подобные зверства немыслимы среди человеческих существ. Трудно себе представить, как могли люди до сих пор вести войны. И еще более загадочным и невероятным представляется то, как могут и в 20-м, прославленном, так называемом цивилизованном веке люди разрешать свои недоразумения на почве индустрии и промышленности или социальные и политические и вообще разные человеческие связи и отношения — войной. Столь чисто грабительским, хуже звериного, вне всякого праздного, естественного человеческого закона, путем войны.

В том то и дело, что нет зла худшего, на которое не способен человек. И нет у человека злейшего человека врага. И нечему удивляться, когда государственные деятели, министры и сановники, титулованные лица, доверенные народных масс, ими поставленные на должностях столь высоких и ответственных, считающихся чуть ли не всеми в стране самыми умными людьми, без содрогания совести решают войну и бросают в огонь несгораемый, жизни миллионов и достояние всего населения. Самые грубые и простые факты их призрачных действий и самой жизни остаются в своей силе. Все государства, их правительства всегда нуждаются в территории, богачи и предприниматели в рынках.

Поэтому положение, как и настроение в капиталистическом мире таково, что все государства из боязни очутиться перед опасностью, грозящей ему любым «нуждающимся» государством, фактически — вечным неприятелем, для своей «безопасности» держат наготове армию, флот морской и воздушный, да множество всяческих боевых орудий. Расходы по содержанию войска и изготовлению орудий смерти ложатся тяжким экономическим бременем на население каждой страны. Но кровавые плоды войны нужны ослепленным эгоизмом, всевозможным, безсердчным хищникам во что бы то ни стало. Войны же никакой не должно быть. Чтобы освободиться от существующих зол, следствием которых война является неизбежной, необходимо перевоспитание нравов людей и на таких условиях, которые сами собой послужили бы образцом и началом будущего строя жизни. Путь этот постепенный—естественный, охраняемый мудрым человеческим разумом всякую борьбу человека с человеком, как средство успеха; побед нет в ней, но существует одно преступление. Таким образом он уподобляется самой природе, которая в сущности никакой борьбы ни с кем не ведет.

Человек с своей стороны почему то считая себя умнее природы, вообразил, что для того, чтобы устроиться наилучшим образом, защищенным от своего же неведения ее он должен или вынужден «бороться» с ней и «победить» ее. Ничего подобного в сущности не происходит. В действительности же, долголетие рода человеческого, его инициатива, трудоспособность, терпение, знание и мудрая ответственность перед человеком помогли ему изучить и узнать многие элементы, соединять и раз'единять, (ничего между прочим не уничтожая), таким образом возсоздает те или иные необходимости и удобства для себя. И на это его деяние природа никогда не возражает, против него самого не восстает: ведь не ропщет и не сопротивляется земля, когда выращивает на ней продукты.

В войне же, в этой безподобной борьбе, человек преднамеренно истребляет и уничтожает все на своем пути. Люди утверждают, что жизнь — это борьба, т. е. стремление к существованию всего живого в природе. Все сильное в этом естественном законе борьбы конечно побеждает. Хищные звери пожирают менее сильных, крупная рыба — малую, разные насекомые делают то же самое, т. е. всесторонне приспособленный ко всяким состязаниям закрепощает слабого.

Война же — следствие всей жизненной борьбы. Но такое понятие о жизни в природе вообще и борьбе и войне человека в частности, не всецело верно.

Если сильные животные побеждают слабых, то тут происходит лишь незначительная борьба; подобно тому, как от рук человека, почти без сопротивления, падает с'едобное животное, так и слабее зверь под превосходством сильного безпомощно падает застигнутый врасплох, чаще всего не успевши вступить в борьбу. Борьба же настоящая — война может произойти между силами более или менее равными, или такими, любая сторона которых может расчитывать на успешный исход.

В закрепощении же людей одних другими дело не столько в силе угнетателей, сколько в невежестве угнетенных. Несколько человек никогда не смогли бы закрепостить массы, заставить их воевать, (всег-

да исключительно для выгоды единичных), если бы массы были просвещены. В массовой общечеловеческой совести и света единичные, нечестные элементы иссякли бы без всякой борьбы с ними. И тогда тщетными были бы всякие мысли и суждения о необходимости и даже возможности войны. И не силою освободится человечество от всяких зол, в том числе и от ужаснейшего из всех — войны, но как раз противоположным путем: путем массовой дружбы и солидарности. Необходимо безустанное и усиленное массовое движение в пользу мира между всеми народами; массовое перемирие между всеми людьми каждого со всяким. Люди должны сознательно отказаться не только от войны, но и от всякой борьбы между собой и от какого бы то ни было спора общественного и личного.

Никто из рабочих не должен и не может работать в какой бы то ни было отрасли производства, связанной с войной.

Войн не будет только тогда, когда не останется в душе человеческой ни зависти, ни ненависти, никакой вражды к себе подобному. Мировая любовь к ближнему, которая дремлет в душе каждого человека, осенив впоследствии разум его, положит конец войнам. А пока люди будут любить некоторых и ненавидеть друг друга — будут войны.

Повинуясь голосу души, чувствам долга перед подобным себе человеком, должен и может поступить всякий и каждый отказавшись участвовать в войне. Страха ради перед наказанием за такой поступок не должно быть в смелом и гордом за правое дело человеке. Ведь идут люди на войну, преимущественно из боязни перед наказанием за непослушание «закону». Но ведь такой закон насилует больше всех остальных законов человеческую личность, разум, волю и душу его.

И в самом деле, какой же это такой закон, который заставляет массы мирных и трудолюбивых людей убивать массами других с исключительной целью грабежа. А ведь война, это — поистине поголовное человекоистребление во имя узаконенного грабежа. И никак мне не найти других слов для верного определения настоящего значения и цели войны.

Люди должны массами, сообща, единым согласием признать войну нравственно и юридически незаконной. Развивать бесконечно идею мира, как спутника жизни и благ земных, противника смерти и недруга народных бедствий и несчастий— священная обязанность всякого человеческого общества, всякого достойного учреждения, всякого осмысленного организованного движения, всякого мыслящего индивида. Ибо война, это смерть, а мир — жизнь. Что же нам нужнее — жизнь или смерть?

Итак, война наступательная нужна правительствам и богачам для своего величия и обогащения.

Войны оборонительные нужны опять таки только правящим классам, да всем занимающим у них почетные и выгодные места и богачам, боящимся потерять свое достояние, да ярым патриотам, ненавидящим все иноземное.

Для трудового и бедного люда, для огромного большинства, как и для рабочего и крестьянина, разницы нет—где и под чьим игом он будет находиться. Влачить свое жалкое существование и прозябать, суждено ему при современном строе, где бы он ни жил: в своем родном краю или на чужбине, равно как и быть подданным правительства своей страны или иностранного. Поэтому, рабочий это — первый и главный общественный элемент, который должен отказаться от войны: наступательной, как и оборонительной, экономической или патриотической.

Освободительная война так же, как и война против войны и восстание против всякого насилия и несправедливости, тоже в последнем счете почти безуспешно, ибо никогда не достигает своей цели. Естественно, ее цель не оправдывает средства, и по этому одному уже война освободительная заранее также осуждена. Ибо и в данном случае сражается бедный люд с заблуждающимся, несчастным братом своим из другого лагеря. Освободительная

война не освободит людей, ибо люди не подготовлены быть или стать свободными. Вражда среди людей еще превосходит дружбу. Восстание дает народу сделать шаг вперед ценой неискупимой.

Не может быть никакой войны достойной, как нет никакого убийства заслуженного. Нет и не может быть такого действия, дела, идеала, которые оправдали бы или можно было бы оправдать убийством.

Единичное убийство в пылу дикости — горе великое; убийство задуманное еще хуже, убийство же — наказание, или из мести — еще худший поступок.

Война же с выученными подготовленными к убийству, освященному идеей или законом, во сколько раз хуже единичного убийства, сколько числится убитых на войне.

Безсмыслие и недоумение, да величайший порок человеческий — невежество исполняют свою позорную пассивную роль в деле рабского подчинения человека человеку, что легко делает возможным ведение войны, как и существования всех других социальных зол.

К тебе, трудовой рабочий человек, я обращаюсь с призывом: возненавидеть войну, ибо она тебя убивает, грабит и закрепощает твоих родных и близких. Твоим трудом, умственным, как и физическим, ты сначала создаешь все богатства в стране своей, затем тебя заставляют браться за оружие убийств и итти войной и убивать твоих братьев в соседнем государстве, доля которых такая же плачевная, как и твоя.

Безропотно, уподобляясь немому, поступая так, ты делаешь самое постыдное, самое жестокое дело в жизни: безумно убиваешь людей, не зная за что, только потому, что не имеешь мужества отказаться от этого позорного насилия и насмешки внутренних врагов своих над тобою же.

Другие государстственные правители и богачи, завладевающие имуществом и жизнью своих подданных в других странах, как и у тебя на родине, делают то же самое со своими рабами - солдатами.

Друг рабочий, ты сам строишь орудия войны, ими убиваешь и от них падаешь убитым, ни за что, ни про что, но лишь по лживому толкованию тех, кому война нужна: «во имя обороны, защиты, свободы». Сам же никогда никакими благами не располагаешь. Знай, что ты напрасно гибнешь, безразлично с кем и за что и когда ни воевал бы. Война — это гибель для тебя же, откажись от нее. Ибо в этом одном твое спасение от войны.

Ты, рабочий, мастеровой, инженер, механик, летчик и шоффер, вся мощь индустриальная, вся сила военная, вся гордость истинная, слава и величие всякой страны, ты хочешь жизни, а не смерти, так откажись от войны и войны не будет!

«Да», — скажешь ты, — «жизнь так переплетена разными условиями и потребностями, что никто почти лично не может быть послушным своей воле, и в водовороте явлений существующего социального устройства всецело подчинен воле чужой, и нет выхода в один раз из заколдованного положения, в котором большинство из нас невольно или случайно очутилось».

Но с того времени, когда ты осознал такое свое невольное положение и появилась мысль благородная, осенившая разум, ты должен пойти по новому течению и обновить свою жизнь. И если внимательно прислушаешься к голосу веяний, то риска почти нет. Ибо никому, как и тебе из всех упомянутых тружеников, да и вообще большинству людей, жалким рабам господ современного государства, нечего терять.

Рядовой рабочий, при существующих условиях собственнического строя, живет впроголодь, в особенности тот, кто содержит семью. Умирая, он оставляет нищее потомство, которое продолжает его рабское служение клике экономических и политических владык. И это, так сказать, называется «счастливая» жизнь рабочего.

Но чаще всего рядовой рабочий не выживает свой жизненный путь. Его насильно заставляют пойти на войну, убивать других рабочих, так как кто либо из эксплоатирующих его в опасности, или просто сожелает больше награбить себе добра, созданного в других странах такими же ра-

бочими, как и он. И он, чтобы не рисковать своим бесправным, жалким, ничтожным и постыдным для человека положением, рискует собственной жизнью, судьбою родных, участью ближних, повинуясь людям, в тайниках души боящихся его. Так он идет сам, по их велению, в большинстве случаев на верную смерть, а в лучшем случае, на искалечение, да сам совершает убийства.

Летчик, механик, инженер, правда, получают больше за свой труд и живут в сравнительно лучших условиях. Но сообразуясь с затратой энергии, сил и времени на получение своего поста и сравнивая пользу, приносимую ими своими знаниями лицам, которым непосредственно и косвенно служат, многие из которых богатеют и приобретают славу и почести за их счет, они тоже лишь мизерный оклад получают. В мирное время, мирным трудом занимаясь, труды их полезны. Но если они идут на работу по постройке броненосцев, пушек и военных аэропланов, то они еще более вредны, как члены человеческого общества, чем рядовой рабочий, работающий в том же направлении.

И вот вы, все трудовые люди, ревнители своего в сущности жалкого положения, ничем положительно не рискуете, отказываясь от производства военных снаряжений и от участия в войне. Ибо сколько ни богатели бы те, за которых вы идете на войну, как ни возвеличились бы они, вам никакой выгоды нет от этого. В лучшем случае вам достанутся одни лишь крохи, и то лишь на время. Политические, как и экономические условия опять изменятся современем, и вы очутитесь лицом к лицу с кризисом. Вы окажетесь лишними в индустрии страны из-за машинного перепроизводства и нежелания богатых хозяев отказаться от больших барышей. Очутившись в безвыходном положении и боясь последствий, вы согласитесь опять пойти на войну, чтобы еще больше досталось амуниционным магнатам и другим торгашам и правителям страны. Как будто ничто вас не касается, что происходит в так называемых высших сферах государства и экономике страны. Вы все печетесь о своем личном, чаще же всего, только временном благе, не принимая во внимание, что весь трудовой народ, его все цели и интересы тесно связаны с вашими.

Вы все одинаковые творцы и производители всех достояний, которыми переполнен мир; пользу и благо же извлекают только единичные — те имеют, которые ничего не создавали и по первому призыву которых вы идете убивать своих братьев таких же творцов, как и вы.

Что же лучше — продолжать поддерживать этот самообман, называемый социальным строем, или приступить к освобождению от него, и вместе с тем, отказаться от войны, которая убивает вас, закрепощенных?

Если массы возненавидят войну и не устрашатся перед кучкой ответственных за ее возникновение, а трудовой люд как главный носитель и жертвенник ее откажется от нее, то войны не будет.

Но где солидарность, где геройская дружба между честными в душе тружениками, которая смело поведет к неповиновению и непослушанию властвующим над ними, как и к отказу от войны, чтобы заставить массы отказаться от повиновения тем, которые творят войны и шлют людей на смерть и убийства?

Солидарность, героизм, свое человеческое достоинство, выраженные в дружбе и преданности друг другу, массы сумеют провести в жизнь тогда, когда так возвысятся нравственно, что без особого труда и с радостью сумеют отказаться от личного эгоизма. Ибо эгоизм затемняет у человека его собственное сознание, а с этим всякое бедствие ближнего ему не под силу понять, оценить и прочувствовать. Без ближнего же всякий человек одинок, без ближних также нет массового согласия. И освобождение от войн невозможно иное, чем общее, массовое, со всеми ближними вместе.

Нравственная сторона человеческого состояния, проникнутая здравым смыслом,

Отрывок из социального романа «Марсиане»

Стоял ужасный 1921 год, с хроническим недоеданием, отсутствием одежды, топлива и света, с уплотнением квартир и с постоянной тревогой обывателей за свою жизнь. Люди можно сказать, не жили, а пребывали в безпрерывной борьбе с жизнью и эта борьба за существование обострилась до предельных границ.

Марсияне внимательно наблюдали за тяжелой жизнью москвичей и что их особенно поразило, так это скученность жилища в столице. Люди ютились по 2 по 3 семейства в одной комнате. Вечные ссоры переходящие в скандалы, приводили видевших сцены марсиан в ужас. Кэ и Эк обменивались фразами: — они, мне кажется, не умеют устраиваться.

— Нет, они не имеют возможности и средств к тому.

В тот же день марсианам представился случай посетить несколько тюрем, расположенных в Москве. Осмотр мест заключения окончательно убедил их, что большевицкая власть является одной из жестоких властей. Ладонин, сопровождавший марсиан, не будучи ограниченным человеком, тем не менее вследствие долголетнего пребывания в атмосфере рабского режима, при котором люди не представляют себе свободной жизни, задал Эку вопрос:

— А каковы тюрьмы на Марсе?

— У нас их не существует вовсе.

— Почему нет?

— Видите ли, на Марсе до сих пор никому в голову не пришла мысль изобрести замки.

Удивление учителя ответом марсианам граничило с неверием.

— Да я продолжу, — проговорил Ладонин, — наш прерванный разговор. — Прошу вас, обмолвился марсианин.

— Взгляните на нашу планету, повествовал учитель, и с точки зрения правовых норм и вы увидите весь ужас, в который ввергнуто человечество: люди не землерабы условностей. Чего только нет в этом законодательстве, и лесть, и обман, и ложные обещания и запутывание и недоговоренность и пр. Все законы, как будто для того и созданы, чтобы сначала разрешать, а потом запрещать. Законодательство — это заколдованный круг, это спрут из щупальцев которого не выберешься.

А возьмите распределение благ в нашей стране, это же величайшая несправедливость: производители получают крохи, предприниматель — государство или вернее его представители хватают самые жирные куски. Учение об отрицании права, а также собственности и государства внедрилось в умы очень многих людей и торжество этих идей последовало бы в самом недалеком будущем, если бы не притеснения безвластников государственно - мыслящими.

— Я вам скажу, проговорил Эк, что на Марсе на системе безвластия построено все человеческое существование и практика доказала, что эта система сожительства людей есть самая свободная и совершенная.

Разговор прекратился, так как навстречу приближался одетый в кожаную куртку человек.

Алексей Николаев.

впоследствии освободив человека от личного и общественного эгоизма, являющегося коренным источником всяких зол, послужит в будущем предохранением его от всех социальных бед, в том числе и от беды самой страшной — войны.

Б. Гершенфельд.

Нью Иорк.

***

ПАМЯТИ БОРЦА

В ссылке от жизни ушел, как герой,
Борец за трудящихся А. Боровой.
Он умер, но в памяти нашей он жив:
Реальное не претворяется в миф.
Смерть одного не расстроит ряды:
Мы Анархическою спайкой сильны.
Каждый пусть мыслит:—в одно я сольюсь.
За наш Анархический вольный Союз!
Будьте ж такими, каким был герой
Борец за трудящихся А. Боровой.

Алексей Николаев.

Мнения видных американцев о диктатуре

Президент Рузвельт в одной из своих недавних речей резко отозвался о диктатурах и вообще о диктаторах - империалистах в частности. Он сказал:

«Страны, желающие расширить свои границы или вернуть себе отнятые территории, прибегают не к легальным мирным путям, а к закону меча и фанатическому предположению, что только они призваны высшей миссии, а остальные полутора миллиарда человеческих существ должны у них учиться».

«Для нас совершенно ясно, что автократия в международных отношениях ставит мир под угрозу, которая не исходит от наций, преданных идеалам демократии. В пределах демократических стран главная забота народов — предупреждение роста автократических институтов, порождающих рабство внутри страны и агрессию — извне».

Этими словами президент Соединенных Штатов не только подчеркнул свое отношение ко всякого рода диктатурам, но и свою веру в демократические идеалы, отвергнув решительным образом брошенное ему политическими противниками обвинение в диктаторских поползновениях. Его действия нельзя сравнить с действиями диктаторов, как Муссолини, Гитлер или Сталин, власть которых никем и ничем не ограничена.

Ректор Колумбийского университет — проф. Н. М. Ботлер, выступая с речью в клубе «Колумбия», коснулся науки и диктатуры и заявил, что диктаторы СССР, Италии и Германии фактически уничтожили свободную науку и в этих странах университеты в истинном смысле слова больше не существуют.

«Нынешнее и грядущее поколения должны надеяться только на университеты Франции, Англии, Скандинавии, Соединенных Штатов и других стран, где нет диктатуры.

«Прогресс человечества не возможен, когда сам человек лишен свободы мысли и права обмена мыслями с другими людьми.

«Есть только две альтернативы: свобода и принуждение. Фашистские и диктаторские государства основаны на принуждении, на силе даже не большинства, а небольшой кучки узурпаторов власти. Другая противоположность — это свобода, для сохранения которой все университеты мира должны играть руководящую роль».

Другой известный американский физик — Р. Миликэн в своей речи по радио выразил надежду, что Соед. Штаты будут страной свободы, с высоким стандартом жизни и таким интеллигентным населением, с которым можно было бы проводить в жизнь самые крайние социальные перемены не путем насилия и диктатуры, а путем конституции. Он верит, что только наука выведет человечество из нужды и бедности, указав на то, что новые научные открытия и изобретения сильно увеличили продуктивность труда. Но он видит опасность в «этатизме», стремящемся увеличить власть государства и вмешательство правительства во все области человеческой жизни и деятельности.

«Прежде люди надеялись на богов, — сказал Миликэн, — наука же стала учить их надеяться на самих себя. Теперь же появились проповедники, учащие народ надеяться на правитлеьство. Это слишком вредно, так как подобные учения уменьшают самодеятельность, убивают инициативу и способствуют обирательству казны теми лицами, которые стремятся урвать что-нибудь от правительства. И все это ведет к диктатуре и рабству.

«XIX век прошел в демократизации общественной жизни. Большевицкая же диктатура, с полным подчинением личности даже не государству, а лишь одному лицу — диктатору, положила начало новому течению, нашедшему себе подражание в других странах под видом фашизма. За диктаторами придет еще большая демократизация общественной жизни и большая свобода населения от опеки государства».

Один из лидеров республиканской партии — сенатор Бора говорит о диктатуре следующее:

«Фашизм, нацизм и большевизм, опираясь на террор и фанатизм, похоронили личность под схемами персональной выгоды. Сторонники этих течений постоянно высмеивают и нападают на демократию. Почему они это делают? — спрашивает Бора и отвечает: — Они ненавидят демократию потому, что она стоит за свободную личность и свободную печать».

Все диктаторы и сторонники диктатуры ненавидят свободолюбцев и расправляются с ними по-диктаторски. Но настанет время, когда народы поймут, что диктаторы обманывают их ради личной выгоды и славы. Тогда то они и покончат с диктатурами.

Американский посол Буллит, переведенный из Москвы в Париж, всячески покровительствовавший большевикам и старавшийся обелить их, выступая с речью на празднествах в Вирджинии, сказал между прочим следующее:

«Диктатуры, основанные на тайной полиции и расстрелах, установлены во многих странах. Мужчины и женщины живут там в страхе перед невидимой рукой, готовой в любой момент схватить их и потащить в тюрьму, ссылку или на расстрел.

«И чуждые нам, американцам, апостолы этих фанатизмов советуют установить всеобщее царство страха, чтобы решить наши экономические проблемы».

В таком же духе осуждения диктатуры высказываются и многие другие видные американцы. В их словах очень много меткого и верного. Диктатура — самая безобразная, варварски - жестокая и самая ужасная форма правления. Она должна быть уничтожена вместе с палачами-диктаторами.

Марк Степной.

***

ПОЛОЖЕНИЕ КИТАЙСКИХ КРЕСТЬЯН

Согласно статистическим данным, землепользование в Китае распределено крайне неравномерно, как и в большинстве стран Старого и Нового Света. Из 430 миллионов акров земли, пригодной к земледелию, беднейшее крестьянство, владеющее от 1 до 10 му и составляющее 44 проц. населения, пользуется всего лишь 6 проц. земли; крупные помещики, владеющие 100 му и больше земли и составляющие 9 проц. населения, имеют в своем распоряжении 44 проц. всей обрабатываемой земли; остальная земля находится во владении более крупных магнатов, а остальное крестьянское население составляют арендаторы и батраки.

Вследствие ужасной эксплоатации, количество безземельных крестьян растет с каждым годом; крестьяне массами покидают деревни и вливаются в города, где они становятся рикшами или нищенствуют на улицах. В общем же китайское крестьянство находится в чрезвычайно тяжелом положении, а земледелие — в полном развале.

Главными причинами крестьянского горя и бед являются — высокие налоги, высокая арендная рента, ростовщические проценты по ссудам и беспощадная эксплоатация генералами и купцами китайского крестьянства. Достаточно указать на то, что в наиболее благополучных районах Китая крестьянская семья получает в год не более 40 китайских долларов дохода, а во многих местах — только 10 долларов годового дохода. При этом свыше 50 проц. дохода с земли крестьянин отдает помещику, а остальное идет на уплату налогов и на поборы. Обычные земельные налоги и «чрезвычайные налоги» собираются вперед за многие годы, а ростовщики за 40-дневные ссуды берут с крестьян 100 проц. Таким образом уходит из рук китайского крестьянина весь продукт его труда, но зато остаются обременительные налоги, неоплатные долги и нищенское или голодное существование.

В прошлом году Китай перенес большие бедствия. Наводнения, засуха, саранча и чума поразила целый ряд провинций — Цзянсу, Чжецзян, Аньхуэй, Цзяньси, Хунань, Хубей, Хенань, Шаньси, Гуйчжу, Ганьсу и много других.

Сообщения из 263 округов говорят о том, что засуха поразила свыше 130 мил-

лионов му земли: сельско - хозяйственная продукция слишком сократилась во многих провинциях, а в некоторых провинциях— совсем нет урожая. Миллионы крестьян лишились не только земли, но и всяких средств к существованию, миллионы погибли, а многие миллионы голодают в буквальном смысле слова.

По сообщению шанхайских газет—«в бесчисленном множестве китайских деревень — улицы пустынны; в жалких хижинах никого нет... Крестьяне находятся в неоплатном долгу у ростовщиков и налоговых чиновников. Положение крестьянских масс во многих провинциях стало катастрофическим в связи с обрушившимися на них стихийными бедствиями». Вследствие разлива реки Желтой, в провинции Хэбэй погибло 20,000 человек, а количество беженцев из этого района достигло 200,000 человек. В одном только районе верхнего течения Янцзы голодает 12 миллионов человек.

Сообщения из Нанкина говорят о том, что в провинциях Юнан, Юпе и Анвэй свирепствует страшный голод, что большая часть жителей уже давно питается древесной корой, корнями и глиной, что смертность от голода приняла колоссальные размеры, что на почве голода развились эпидемии и участились случаи продажи детей родителями и что свыше 12 миллионам человек угрожает голодная смерть, если им не будет оказана немедленная помощь.

Иностранные корреспонденты, ознакомившиеся с положением китайских крестьян, утверждают, что его можно сравнить только с положением украинских крестьян в 1933 году, когда они умирали тысячами от голода.

Такие бедствия, излишние человеческие страдания и муки будут продолжаться до тех пор, пока трудящиеся не освободятся от эксплуатации поработивших их господ, пока человеческое общество, разделенное на классы и касты, не достигнет полного равенства в правах и обязанностях и пока будет существовать социальная несправедливость и экономическое неравенство. А для того, чтобы достигнуть всего этого, надо организовываться и организованными силами защищать свои человеческие права, права на жизнь и свободу.

Только посредством организации достигаются великие завоевания.

Марк Степной.

***

БОРЬБА ЗА РЫНКИ

В последние годы ведется ожесточенная борьба за мировые рынки между индустриально развитыми капиталистическими странами. Особенно острое соперничество заметно между Японией, Англией и Соед. Штатами.

Лондонские газеты указывают на возросшую конкуренцию Соед. Штатов с Англией, в Канаде, Южной Америке, Австралии, Новой Зеландии, Китае и в странах Дальнего Востока. Конкуренция США вызывает тревогу английских промышленников за потерю ими указанных рынков, поэтому они стараются всеми силами не упустить их.

Но если Англию тревожит американская конкуренция, то США не менее обеспокоены конкуренцией Японии в Южной Америке и на Дальнем Востоке, так как Япония очень удачно не только вытесняет США, но и наводняет их своими товарами, а особенно хлопчато - бумажными изделиями.

Согласно статистическим данным, в 1930 году в штатах Новой Англии, где сосредоточено было главным образом американское текстильное производство, работало 37 миллионов веретен, а теперь там осталось около 10 миллионов веретен, из которых половина бездействует из-за японской конкуренции и наводнения США японским текстилем. В течение последних 5 лет там закрылось около 50 текстильных фабрик с 20,000 рабочих. В июле 1936 года в гор. Манчестере, Нью Хемпшир, закрылась большая фабрика с 2,500,000 веретен, на которой работало 9,000 человек.

Тепер С.Ш.А. имеют 25 миллионов веретен, из которых не все работают. В

прошлом году было выброшено из производства свыше 1 миллион веретен, а в текущем 1936 году, будет выброшено, как предполагают, 1.5 млн. веретен. Это об‘-ясняется бездействием многих текстильных фабрик или их ненужностью.

Так, например, удовлетворяя свой внутренний рынок, США вывозили избыток текстиля в другие страны, но вследствие, главным образом, японской конкуренции, американский экспорт с каждым годом все уменьшался и уменьшался: в 1929 году было вывезено из США 564 млн. ярдов хлопчато бумажной материи, в 1932 году — 302 млн., в 1934 году — 220 млн., а в 1935 году — 185 млн. ярдов. Сокращение вывоза об‘ясняют японской конкуренцией.

При этом американские промышленники указывают на официальную статистику, из которой видно, что в 1936 году Япония вывезла в США 789,000 кв. ярдов хлопчато - буамжной материи, в 1933 г. — 1,116,000 ярдов, в 1934 году — 7,287,000 ярдов, а в 1935 году — 36,475,000 ярдов! В то же время Япония постепенно начала уменьшать в США закупки американского хлопка: в 1932 году Япония заупила 72% нужного ей хлопка, в 1933 голу — 59 проц., в 1934 году — 48 проц., а в 1935 году — 40 проц. Для борьбы с японской конкуренцией правительство США об‘явило в мае 1936 года об увеличении тарифных ставок на японский текстиль на 42 проц. Это распоряжение вошло в силу 20 июня.

По данным американского министерства торговли, японский экспорт в Южную Америку увеличился за последние 5 лет от 100 до 1,000 процентов. Так, например, в 1931 году японский экспорт в страны Южной Америки составлял 14 миллионов иен, в 1932 году — 18 млн., в 1933 году — 46 млн., в 1934 году — 60 млн., в 1935 году — 70 млн. иен. Так же значительно увеличился японский ввоз в центральную Америку: в 1934 году он составлял 16 миллионов иен, а в 1935 году — 43 млн. еин. Такая же картина наблюдается на Кубе, Гаити и Филиппинах.

Япония захватывает, главным образом, рынки в Бразилии, Урагвае, Аргентине, Чили, Перу, Колумбии, Панаме, Порто Рико, Мексико и т. д., куда американский экспорт уменьшился на 50 процентов по сравнению с 1930 годом. Япония вывозит в Южную Америку в значительном количестве хлопчато бумажные и шелковые изделия, текстильное оборудование, рыбные консервы, машины и многие другие товары, успешно конкурируя с европейскими и американскими товарами, которые она быстро вытесняет.

Беспокойство США за южно - американские рынки вызвало ряд мер, направленных к укреплению своего влияния в латинской Америке. Под руководством США в декабре 1933 года в Монтевидео была созвана пан-американская конференция. За ней последовала продолжительная поездка министра индел по Южной Америке. После этого пошли переговоры и заключения торгово - экономических договоров.

Под давлением американских, английских и германских промышленников, понесших потери от японской конкуренции многие страны центральной и Южной Америки выработали специальные мероприятия против японского демпинга, а некоторые совсем расторгли торговые договоры с Японией.

Борьба за рынки вызвала торговую войну между Англией и Японией, при чем последняя одержала ряд побед по экспорту хлопчато - бумажных изделий. Поэтому в пределах Британской империи Англия приняла целый ряд оградительных мер, направленных против японского демпинга и называемых японскими газетами равносильными эмбарго. В ответ на эти меры японская ассоциация фабрикантов текстильной индустрии, контролирующая 99% прядильной промышленности в Японии, об‘-явила бойкот британскому хлопку из Индии.

Зато в Китае, где все еще продолжается бойкот японских товаров из-за вторжения Японии в Китай, захвата Манчжурии, Джехоля и других китайских провин-

ций, виды американской торговли значительно улучшились, хотя и не достигают еще прежнего экспорта - импорта, превышающих 100 миллионов долларов.

В общем, все империалистические страны ведут между собою жестокую борьбу за обладание мировыми рынками. Пока идет только торговая война между ними. Она их все более и более ожесточает. Поэтому все империалистические державы Европы, Америки и Азии, готовясь к самой настоящей войне, усиленно вооружаются.

Что же толкает их на торговую войну — конкуренцию и военные авантюры? Не вдаваясь в излишние разсуждения, можно ответить коротко:

— КАПИТАЛИЗМ.

Капиталистическая система хозяйства основана не на удовлетворении потребностей населения той или иной страны, а на эксплуатации трудящихся масс и на прибыли. Вот почему каждая капиталистическая страна, в том числе и СССР, называемый его владельцами «социалистическим отечеством», приобретает империалистические замашки, старается захватить территорию соседа или рынка, наводняя их дешевыми товарами, несмотря на то, что эти товары в большинстве случаев нужны населению той страны, откуда они вывозятся и выбрасываются за бесценок тогда, когда местное население в своей стране платит огромные цены.

Так, например, большевики вывозят из России сахар по 5 копеек за фунт, а со своего населения дерут по 2—3 целковых за фунт. Та же история получается с маслом и другими товарами, вывозимыми из СССР. Точно такую же картину мы наблюдаем в Америке, Англии, Франции, Германии, Италии, Японии, Польше и т.д.

Капитализм — частный или государственный — толкает их на получение прибылей, достигаемых посредством эксплуатации трудящихся, на конкуренцию, на поиски новых рынков и на военные авантюры, умножающие их прибыли.

Чтобы положить предел нищете и рабству, социально - политическому и экономическому неравенству, а вместе с ними и эксплуатации человека человеком, надо уничтожить капитализм, их порождающий, и добиваться Свободы, Равенства и Братства народов.

А все это может дать только социальная Революция.

Марк Степной.

ЗДЕСЬ И ТАМ

Здесь за столами, в сфере белизны спокойной
Они вознесли—мира благовестный клир;
А там—над кучей хат, над бурой степью знойной
Тьмы формул раз'яренных грозный правят пир.
Здесь в праведных устах, во всплесках легкого смеха
Блестит зубов приветно-дружеский оскал;
А там—орудий буйных ледяное эхо
Топочет дико пляс по острым ребрам скал.
Здесь вязью кружевной изысканного слога
Они на эмбарго умело держат руль;

А там—над символом распятого их бога
Рой птиц стальных гремит псалмом гранат и пуль.
Здесь ревностно вскрывая мира зла причину,
Они рачительно ведут о правде речь;
А там—из тел детей и женщин мешанину
Крошат в чаду кровавом бомбы и картечь.
Здесь пылом братских чувств горят рукопожатья,
Предвозвещая войн губительных закат;
А там — в пыли, в последнем бешеном об'ятьи
Слились окоченело с черным белый брат.
Здесь завтраков чреда, обедов званых смены
И тостов дружный звон за счастье на земле, —
А там—над трупами орудуют гиены
И плачут погребально в безысходной мгле.

Саша-Петр.

АНАРХИЯ И КЛАССОВАЯ БОРЬБА

Одним из многих важных вопросов современного рабочего движения является вопрос приобретает жгучий и злободневный столкновениям труда и капитала, этот вопрос приобретает жгучий и злободневный характер. Но само понятие «классовая борьба» вызывает различные суждения и толкования. Необходимо, поэтому, выяснить сущность борьбы вообще и отношение анархизма к классовой борьбе в особенности.

Известно, что все живые существа — от низших животных до человека — суть продукт вечно - движущейся материи. Зарождаясь при известных благоприятных условиях, они по природе своей стремятся к развитию и улучшению условий, способствующих их размножению.

Жизнь как животных, так и людей вообще, есть постоянное стремление к улучшениям, и в этом стремлении сказывается уже борьба, которая так же стара, как и жизнь, ибо с тех пор, как появилась жизнь на земле, одновременно началась борьба как за самую жизнь, так и за улучшение жизни. Эта борьба длится долгими, долгими веками. И всякая борьба— классовая, политическая, религиозная — есть лишь разновидность этой великой жизненной борьбы в ее постоянном стремлении к лучшим культурным условиям.

Борьба за материальные улучшения, или так наазываемая экономическая борьба, которая ведется отдельным человеком, партией или целым классом, это только часть той великой борьбы, которую человек ведет за свою жизнь, мощь и полное развитие своих многообразных сил и способностей.

Историческое развитие человека от дикаря до современной личности шло не только по пути экономики, т. е. накопления материальных богатств, но больше всего по пути развития, создания, укрепления воли и совершенствования духовных сил человека. Поэтому, духовные и моральные силы составляют такой же фактор человеческой борьбы, как и материальные силы.

История знает многочисленные примеры, когда отдельные личности и даже целые партии отказывались от своих собственных материальных интересов и выступали на борьбу за идею, за веру, не преследуя при том никаких материальных выгод. «Декабристы» и «народовольцы» в России (если иметь в виду только одну страну) и жизнь и деятельность таких юдей, как Бакунин, Кропоткин, Черкезов, Малатеста, Реклю, не говоря уже о целой плеяде других выдающихся личностей, — лучшие примеры проявления духовных сил человека.

Как «декабристы» и «народовольцы, так и анархические деятели, сами вышли из богатых, зажиточных классов, но они отказались от богатсттва, карьеры и роскошной жизни и посвятили свои силы и знания революции, науке и духовной борьбе вообще, тем самым доказав, что человек есть, прежде всего, сознательное, духовное существо.

Анархизм считает, что человек есть главный, доминирующий фактор жизни. Человек есть создатель всех богатств мира; он творец всех материальных и духовных ценностей. Человек, например, роет землю с целью добыть сырой материал; он обрабатывает это сырье. Он производит все необходимые для жизни продукты. Орудия производства, как плод человеческой силы, без употребления человеческого труда, ничего поэтому не создают и не могут создать: только человек и является тем творцом, который все производит и создает.

Следовательно, человек не принадлежит орудиям производства и труда и он не должен быть рабом машин, подобно тому, как производство и техника не господствуют над людьми: только сознание и воля, влияя на ход человеческой жизни, определяют судьбу людей. Иначе говоря бытье человека определяется его сознанием.

Но человек не только производит, он не только трудится физически: человек не машина. Человек — разумное, сознательное существо. Он живет, мыслит и всту-

пает в разнообразные отношения с другими людьми помимо своей хозяйственной или промышленной деятельности. Человек работает не только телесно, но и умственно. Он создает мораль, науку, право, учреждения, организации и т. д. Он может, поэтому, посредством сознания и воли изменить плохие условия жизни и даже в корне уничтожить язвы несправедливо устроенного капиталистического общества.

Мы знаем, что современное капиталистическое общество разделено на богатых и бедных, на господ и рабов. Оно раз'едается различными антагонистическими интересами и противоречиями. Оно держится благодаря насилию, эксплоатации и духовному порабощению трудящихся масс — рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции. Удел богатых и господ, благодаря исторически сложившимся условиям, позволившим им сделаться властителями и хозяевами земли и ее богатства, не только не трудиться и не производить, но и проводить всю свою жизнь в довольстве, роскоши и тунеядстве.

Удел бедных и рабов — вечный, непосильный труд, голод, нищета и болезни. Эта вопиющая несправедливось может быть уничтожена не отдельной борьбой рабочих, не классовой борьбой пролетариата, как слепо верят, например, социалисты и синдикалисты, а общей, об'единенной борьбой трудящихся масс и всех других социальных слоев угнетенного народа.

Все марксисты, как известно, делят общество на классы в зависимости от участия и роли людей в производстве. Всех, кто владеет орудиями производства и взимает прибавочную стоимость, они причисляют к капиталистическому классу тех же, кто лишен орудий производства и эксплоатируется с целью наживы, они относят к рабочему классу.

Синдикалисты, переняв от марксистов теорию классовой борьбы, в основу своего деления общества на классы кладут трудовой принцип. Для них, синдикалистов, общество состоит из двух классов: трудящихся и эксплоататоров.

Анархизм отвергает оба принципа — принцип по «участию в производстве» и принцип по «труду» и выдвигает более общий, но верный принцип: принцип возможности удовлетворения потребностей. Анархизм делит современное общество на людей, имеющих возможность в изобилии удовлетворять всем своим потребностям, и на людей, лишенных возможности удовлетворять самым необходимым жизненым потребностям. Анархический принцип потребления, поэтому, является наиболее справедливым: он дает каждому естественное право на полное удовлетворение всех потребностй.

Исходя из этих положений, мы видим, что анархическая концепция о взаимоотношениях людей не чисто - производственная и не узко - классовая, а общечеловеческая. Анархизм стремится освободить рабочих не как класс и не как производителей, а как людей, ибо освобождение одного класса неизбежно приводит к закрепощению другого класса. Хуже того, классовая борьба ведет к классовой диктатуре, и независимо от того, кто побеждает: буржуазия или пролетариат, диктатура является новым порабощением человечества.

Затем, из истории рабочего движения разных стран мы знаем, что нет и не может быть единого пролетариата, подобно тому, как нет однородных болезней: дифференциация рабочего класса — неоспоримый фактор. Во всех промышленных странах мы наблюдаем внутри пролетариата различные слои с различными и враждебными интересами: верхний слой — рабочая аристократия, средний слой — рабочая демократия, низший слой — чернорабочие. Интересы этих различных слоев не одинаковы, а противоположны и враждебны: рабочий аристократ, получая высокую заработную плату, пользуясь преимуществами и привилегиями и ведя вообще мелкобуржуазный образ жизни, социально и психологически гораздо ближе к капиталисту, чем к обреченному на хроническую нужду чернорабочему, которого он считает своим врагом. Есть также и такие слои пролетариата, в которых чрезвычайно жи-

вучи неклассовые, буржуазные и консервативно - религиозные настроения, и которые до сих пор продолжают идти в хвосте реакционных капиталистических партий. Наконец, надо помнить, что пролетариат каждой страны находится в меньшинстве, а в большинстве пребывают средние классы: крестьяне, профессиональная интеллигенция, мелкое чиновничество, духовенство и др. И эти средние классы не только не пролетаризуются; они не только не исчезают, как предсказывал, например, марксизм, а, напротив, в некоторых странах становятся все сильнее и сильнее, навязывая диктаторскую власть всему трудовому народу.

Но рабочий класс разделен не только экономически: он неоднороден политически и организационно. В нем наблюдается постоянная борьба различных партий, преследующих разные программы, задачи и цели, а внутри партий идет постоянная борьба лиц из-за преобладания, лидерства и власти.

В тех странах, где рабочие лидеры руководят движением, но не добились еще власти, борьба носит отчасти идейный и революционный характер, а в СССР, где рабочий класс добился власти, хотя и не является фактическим хозяином страны, его прежние революционные лидеры, вышедшие из рядов пролетариата, превратились в реакционеров и душителей рабочих и свободы.

Ошибочно вообще утверждать, что пролетариат исторически призван освободить человечество. Ошибочно также думать, что пролетариат *состоит* исключительно из хороших людей, а буржуазия из плохих людей. История знает много примеров измены, предательства и ренегатства как со стороны рядовых рабочих, так и со стороны их политических и идейных вождей. Но эта же история знает примеры преданности рабочему движению со стороны лиц, вышедших из богатых, капиталистических классов.

Вера, что пролетариат есть лучший класс людей, основана на заблуждении, вытекающем из партийного фанатизма. Эта вера давно уже не разделяется анархистами, как сторонниками общечеловеческого освобождения, но от нее никак не могут освободиться социалисты и синдикалисты, стремящиеся — первые — к политической диктатуре, т. е. к господству над рабочим классом, вторые — к трудократии, т. е. к экономической диктатуре. И, к горькому сожалению, защитники пролетарской классовой борьбы не замечают того, что чрезмерная идеализация рабочего класса сослужила плохую службу прежде всего самим рабочим.

Из сказанного видно, что анархизм не является классовой идеологией. Классовая борьба не является анархической идеей, ибо анархизм не стремится к порабощению того или иного класса.

Анархизм стремится к освобождению всех людей; его главный идеал — свободная жизнь свободных людей, т. е. анархия.

Сведя анархизм исключительно на классовую борьбу, мы умаляем его подлинное общечеловеческое значение, а ограничивая его чисто - экономической борьбой, мы затушевываем его основную идею антигосударственности.

Следовательно, роль и миссия анархизма общечеловеческие: в своей социальной борьбе против государства, капитализма и церкви анархизм несет в себе идеи и чаяния всего угнетенного человечества. И его непосредственным лозунгом должно быть: Трудящиеся всех стран, уничтожьте капитал и власть!

Л. Липоткин.

НОВЫЕ КНИГИ

АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВ. «Жизнь Н. Махно» Роман 0.75

АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВ. «Батько Махно». Разсказы 0.65

«Пророчества Л. Н. Толстого» собрал и составил З. Иоффе 0.65

Н. МАХНО «Русская Революция на Украине. 0.65

М. НЕТТЛАУ. «Цели и методы анархизма 0.65

ВОКРУГ «ИСПОВЕДИ» БАКУНИНА

«Вы уже знаете, что я приговорен к смерти. Теперь я должен сказать вам в утешение, что меня уверили, будто приговор будет смягчен, т. е. заменен пожизненной тюрьмою или столь же продолжительным заключением в крепости. Я говорю — «вам в утешение» потому, что для меня это не утешение. Смерть была бы мне куда милее. Право, без фраз, положа руки на сердце, я в тысячу раз предпочитаю смерть. Каково всю жизнь прясть шерсть или сидеть в одиночестве, в бездействии, никому ненужным, в крепости за решеткой, просыпаясь каждый день с сознанием, что ты заживо погребен и что впереди еще безконечный ряд таких же безотрадных дней! Напротив смерть — только один неприятный момент, к тому же последний момент, которого никому не избежать. Для меня смерть была бы истинным освобождением».

Так писал Михаил Бакунин, 16 февраля 1850 года из Кенигштейнской крепости в Саксонии. Он был присужден к смерти за участие в дрезденском возстании 1849 года. Казнь ему была, действительно, заменена пожизненной тюрьмой. Но его ждал еще другой суд столь-же серьезный, — в Австрии, за государственную измену.

В ночь с 12-го на 13-е июня Бакунина разбудили в его одиночной, тщательно охранявшейся камере, и заковали в кандалы. Он думал, что это казнь. Но его лишь переводили в другое место. Под сильным конвоем он был доставлен на австрийскую границу, а 14 июня он уже сидел в Градчинской тюрьме в Праге.

Австрийские власти чрезвычайно опасались попыток к освобождению Бакунина, этого «после Маццини самого опасного человека в Европе». Его камеру охраняли семь солдат, но скоро и этого показалось недостаточно. Русского бунтаря перевели в крепость Ольмюц, где он охранялся конвоем уже из 25 человек.

15 мая следующего, 1851 года австрийский суд приговорил Бакунина к повешению. Казнь, как и в Саксонии, была заменена пожизненным заключением, но эта милость являлась чистым лицемерием. Австрийское правительство уже давно обещалось выдать опасного узника России. Бакунин предчувствовал это, и перспектива попасть в руки правительства Николая 1 приводила его в ужас.

В письме к австрийскому министру внутренних дел Баху, он заявил, что будет всяческими мерами, вплоть до самоубийства противиться выдаче. Ему не пришлось осуществить эту угрозу. В день об'явления приговора, Бакунина вывезли из Ольмюца, 17 мая передали русским жандармам на границе, а 23 (11 по ст. стилю), Бакунин уже находился в пятой камере Алексеевского равелина Шлиссельбургской крепости. На докладе об этом император Николай 1 надписал торжествующе: «Наконец».

После полуторамесячной передышки, данной шлиссельбургскому узнику, государь 25 июня приказал приступить к его допросу. Как разсказывал потом сам Бакунин Герцену, к нему явился шеф жандармов, граф Орлов, и от имени царя потребовал составления записки о том немецком и славянском движении, в котором Бакунин принимал участие за-границей. Царь, по словам Орлова, желал, чтобы Бакунин говорил с ним, «как духовный сын с духовным отцом», т. е. разсказал бы все без утайки.

Бакунин повиновался, и составил огромную, в 96 страниц большого писчего формата, записку. Ее последние строки:— «Потеряв право называть себя верноподданным Вашего Императорского Величества подписываюсь от искреннего сердца, кающийся грешник Михаил Бакунин» — дают достаточное понятие о характере и тоне этого замечательного документа.

Записка Бакунина хранилась в секретном архиве департамента полиции, и только после революции, в 1920 г. была извлечена оттуда и опубликована под названием «Исповедь». Сам Бакунин, конечно,

скрывал существование этого компрометирующего документа и передавал о нем лишь самым близким людям, умалчивая о покаянном характере записки. Департамент полиции гораздо позже думал, было, опубликовать этот документ, чтобы дискредитировать и знаменитого революционера и с ним вместе революционное движение. Но план этот был оставлен. Когда «Исповедь» появилась в печати, она произвела поистине потрясающее впечатление и на поклонников Бакунина, в среде анархистов — их есть до сих пор немало — и на таких чистых, революционных духом людей, как, например, Вера Фигнер. По поводу «Исповеди» возникла целая литература, обзор которой дает Ю. Стеклов в комментариях к новому тому «Собрания сочинений и писем» Бакунина 1). Центром этого тома является «Исповедь», напечатанная в тщательно проверенной редакции и снабженная обильнейшими комментариями, без которых она остается теперь во многом непонятной. Бакунин изложил царю не только свою биография, но и дал большой очерк тех политических движений, в которых принимал участие. Он писал откровенно, но не выдал никого из тех, особенно русских, о ком власти и без того не знали. Впрочем, русское движение, с которым был связан Бакунин, не представляло тогда ничего серьезного.

В литературе об «Исповеди» оживленно обсуждался вопрос — был ли Бакунин искренен в своем «покаянии». Многие, в том числе и Вера Фигнер, склонялись к этому мнению. Но через несколько лет были опубликованы письма Бакунина к родным — (о них мы скажем ниже), — которые не оставляют сомнения, что покаяние Бакунина явилось просто «средством, оправдывающим цель». А целью этой была для Бакунина — свобода, и ее, как известно, он добился.

Николай 1 очень внимательно прочел «Исповедь» по специально сделанной для него писарской копии и во многих местах поставил свои отметки. В самом начале он писал: «Стоит тебе прочесть. Весьма любопытно и поучительно». Это замечание предназначалось для наследника, будущего Александра 2-го. «Исповедь» была послана наместнику Царства Польского, Паскевичу — (в ней было много упоминаний о польских делах) — и давалась для прочтения некоторым особенно доверенным сановникам. Получил ее и председатель государственного совета Чернышев. Возвращая «Исповедь» графу Орлову, Чернышев писал: «Дорогой граф. Я крайне смущен тем, что так долго задерживал об'емистую «Исповедь», которую вы мне передали по повелению его величества. Чтение ее произвело на меня чрезвычайно тягостное впечатление. Я нашел полное сходство между «Исповедью» и показаниями Пестеля печальной памяти, данными в 1825 году. — То же самодовольное перечисление всех воззрений, враждебных всякому общественному порядку, то же тщательное описание самых преступных и, вместе с тем, самых нелепых планов и проектов, но ни тени серьезного возврата к принципам верноподданного — скажу более, христианина и истинно русского человека. Мне кажется, что при таком положении вещей было бы весьма опасно предоставлять неограниченную свободу человеку, который, к несчастью, не лишен ни смелости, ни ловкости. Какая жалость, что он дает им подобное применение». Чернышев оказался весьма проницательным в оценке «покаяния» Бакунина.

Несмотря на глубокую тайну, в которой в те времена окутаны были всякие дела о политических преступниках, слухи об аресте Бакунина и даже об его «Исповеди», как то просочились в публику и дошли до его родных. Официально последние узнали о судьбе Михаила Александровича в октябре 1851 года, когда граф Орлов уведомил старика Бакунина, что сын

1) М. А. Бакунин. — Собрание сочинений и писем под редакцией и с примечаниями Ю. М. Стеклова. Том IV-4. В тюрьмах и ссылке. 1849-1861. Из-во политкаторжан. Москва. 1936. Стр. 621.

его находится в Петропавловской крепости, и что ему разрешено свидание с отцом и сестрою Татьяной. Повидимому, в придворных сферах много говорили о «раскаянии» грозного революционера», а оттуда слухи проникли и в дворянские круги. Алексей Бакунин сообщал брату Николаю, что «Михаил писал подробно к государю о своей жизни, не компрометируя, однако, никого из своих заграничных участников».

Старик Бакунин не мог воспользоваться разрешением видеться с сыном: — ему было 84 года, он совершенно ослеп, ослабел и дальней дороги вынести не мог. Вместо него допущен был в крепость сын его Николай, за политическую благонадежность которого старик поручился. Свидание состоялось 28 октября 1851 года в присутствии коменданта крепости, Набокова. Вскоре Бакунину разрешена была и переписка с родными, и с этого момента связь его с внешним миром, хотя временами и прерываемая, установилась довольно прочно и много помогла ему в дальнейшем. В Петропавловской крепости Бакунин просидел 2 года и 10 месяцев, до начала Крымской войны. Николай 1 боялся, как бы англо - французский флот, подходивший к Петербургу, не освободил бы политических заключенных и приказал перевести Бакунина в Шлиссельбургскую крепость. Как «один из важнейших арестантов», он был помещен в «надежнейшей из камер, и самая бытность его в замке должна была сохраняться «в величайшей тайне». Режим, как и в Петропавловской крепости, был не всегда одинаков. Как то Бакунину переслали из Алексеевского равелина клетку с двумя канарейками, которых он завел себе там, но часто отказывали в необходимых при его болезненном состоянии вещах. Бакунин страдал желчными припадками, цынгой и потерял почти все передние зубы.

Родные и в Шлиссельбурге от времени до времени получали свидание с узником. При одном из них Бакунин передал тайком сестре Татьяне три письма, написанные мелким и убористым почерком на листках, вырванных из французской книги о Ламартине. Эти письма свидетельствуют, что и в заточении Михаил Александрович сохранял свой старый революционный дух и что его «покаяние» было лицемерным.

«Мои дорогие друзья, я знаю, какой ужасной опасности я подвергаю вас тем, что пишу это письмо — так начинается самое бо̀льшое из этих секретных писем. Я подвергаю вас риску в первый, но и в последний раз. Это письмо, моя крайняя и последняя попытка связаться с жизнью. Раз мое положение будет как следует выяснено, я буду знать должен ли я еще жить в надежде быть полезным, согласно мыслям, какие я имел, согласно мыслям, какие я еще имею, и какие навсегда останутся моими, или же я должен умереть... Вы никогда не поймете, — пишет он дальше,— что значит чувствовать себя погребенным заживо; говорить себе во всякую минуту дня и ночи: я раб, я уничтожен, сделан безсильным к жизни; слышать даже в своей камере отголоски назревающей великой борьбы, в которой решатся самые важные мировые вопросы, — и быть вынужденным оставаться неподвижным и немым... Чувствовать себя полным самоотвержения, способным ко всяким жертвам и даже героизму для служения тысячекрат святому делу и видеть, как все эти порывы разбиваются о четыре голые стены, единственных моих свидетелей, единственных моих поверенных».

Из Шлиссельбурга Бакунин, насколько это было возможно, руководил хлопотами родных об облегчении его участи.

18 февраля 1855 года скончался Николай 1. Со вступлением на престол Александра 2-го надежды Бакунина на освобождение усилились. Тем временем, все четыре его брата пошли на войну ополченцами, расчитывая отчасти, что император — (тогда еще был жив Николай 1) — узнав об этом геройском поступке, помилует Михаила Александровича. Впрочем хлопоты и у нового царя далеко не сразу увенчались успехом, хотя были пущены в ход все большие связи бакунинской семьи в придворных кругах. Сам Бакунин, следя из крепостной камеры за этими хлопотами,

А-М.

П. А. КРОПОТКИН

Желающим более подробно ознакомиться с жизнью П. А. Кропоткина, мы советуем прочесть его книгу: «Записки Революционера». Эта книга читается с захватывающим интересом: она написана в высшей степени просто, а по своим художественным достоинствама является одним из выдающихся литературных произведений последнего времени.

Обращая внимание наших читателей на эту картину, мы только кратко упомянем о некоторых интересных чертах из жизни Кропоткина.

Князь Петр Алексеевич Кропоткин родился в 1842 году в Москве. Отец его был военный служака Николаевского времени и богатый помещик, владевший 1200 душ крепостных людей. Мальчиком и юношей, П. Кропоткин видел все ужасы крепостного права, но они не оказали на него развращающего влияния, по всей вероятности оттого, что в ранние годы его детства была еще слишком жива память о его рано умершей матери, которую дворовые и крестьяне боготворили за ее доброту.

«Все мое детство, пишет Кропоткин, перевито воспоминаниями о ней. Как часто, где - нибудь в темном коридоре рука дворового ласково касалась меня или брата Александра. Как часто крестьянка, встретив нас в поле, спрашивала: «Вырастете-ли вы такими же добрыми, какой была ваша мать? Она нас жалела, а вы будете жалеть?

«Нас» — означало, конечно, крепостных. Не знаю, что стало бы с нами, если бы мы не нашли в нашем доме среди дворовых ту атмосферу любви, которой должны быть окружены дети».

Эта атмосфера любви была лучшим наследством, которое мать оставила своим детям и благодаря которому крепостное право не развратило их. Повторяя слова поэта, Кропоткин имеет полное право сказать:

И если я легко стряхнул с годами
С души моей тлетворные следы
Поправшей все разумное ногами,
Гордившейся невежеством среды,
И если я наполнил жизнь борьбою
За идеал добра и красоты,

тряхнул стариной и, как неисправимый заговорщик, сочинил специальный шифр для сообщений «с воли» о том, как идут дела.

14 февраля 1857 года он отправил царю длинное прошение, составленное в том же униженном тоне, как и «Исповедь». «Государь, — писал он, — каким именем назову я свою прошедшую жизнь? Растраченная в химерических и безплодных стремлениях, она кончилась преступлением. Ложный путь привел и ввергнул меня в пропасть, из которой только всесильная и спасающая длань Вашего Величества меня извлечь может». Прошение было подписано: — «Молящий преступник Михаил Бакунин».

Мольба возымела действие. Читая прошение «молящего преступника», Александр 2 вспомнил, конечно, представленную его отцу «Исповедь», и либо поверил в искренность Бакунина, либо решил, что непримиримый революционер уже добит морально до конца.

На прошении государь написал: «Другого для него выхода не вижу, как ссылку в Сибирь на поселение».

Через несколько дней Бакунин ехал с жандармским конвоем в Сибирь. На пути ему дозволено было провести сутки в родном Прямухине — проститься с матерью, братьями и сестрами. 28 марта он был уже в Омске. Здесь почти с первых дней, с необыкновенной настойчивостью и изобретательностью, — часто, как и в покаянии перед царями, пренебрегая общепринятой моралью, — Бакунин стал подготовлять себе побег.

Р. Словцов.

И носит песнь, слагаемая мною,
Живой любви глубокие черты—
А, мать моя, подвигнут я тобою!
«Во мне спасла живую душу ты!»

Картины крепостного права, изображаемые Кропоткиным, производят потрясающее впечатление. Отец автора, человек в сущности не злой, приказывал сечь дворовых за несколько разбитых тарелок. Кропоткин описывает тяжелую сцену, как только что высеченного дворового Макара заставляют прислуживать у стола.

«Мачеха, видя, что никто из нас не дотронулся до супа, пробует оживить нас.

Не находите ли вы дети, — говорит она по французски, что суп сегодня превосходный.

Слезы душат меня. После обеда я выбегаю, нагоняю Макара в темном коридоре, и хочу поцеловать его руку; но он вырывает ее и говорит не то с упреком, не то вопросительно: «Оставь меня; небось, когда вырастешь и ты такой же будешь?»

— Нет, нет, никогда!..»

Все родные и знакомые Кропоткиных принадлежали к высшему аристократическому кругу, воспитывался П. Кропоткин в Пажеском корпусе, то есть в самом аристократическом военно - учебном заведении, и тем не менее добрые задатки, полученные в детстве, и демократический дух времени взяли верх над развращающим влиянием среды. Блестящие способности и неутомимая жажда знания сделали то, что вместо придворного офицера из Кропоткина выработался выдающийся ученый.

Осенью 1871 года Географическое Общество просило Кропоткина, уже составившего себе известность, принять должность секретаря. Это было заманчивое предложение, так как оно открывало широкий путь молодому ученому для дальнейших работ.

«Наука — великое дело, пишет Кропоткин. Я знал радости, доставляемые ею, и ценил их, быть может, даже больше, чем многие мои собратья...

«Но какое право имел я на все эти высшие радости, когда вокруг меня — гнетущая нищета и мучительная борьба за черствый кусок хлеба, когда все затраченное мною, чтобы жить в мире высоких душевных движений, неизбежно должно быть вырвано изо рта сеющих пшеницу для других и не имеющих достаточно черного хлеба для собственных детей? У когонибудь кусок должен быть вырван изо рта, потому что совокупная производительность людей еще так низка.

«Знание — могучая сила. Человек должен овладеть им. Но мы и теперь уже знаем много; что,если бы это знание, и только это, стало достоянием всех?..

«Массы хотят знать. Они хотят учиться, они могут учиться...

«Вот в каком направлении мне следует работать, и вот те люди, для которых я должен работать. Все эти звонкие слова насчет прогресса, произносимые в то время, как сами делатели прогресса держатся в стороне от народа, все эти громкие фразы — одни софизмы. Их придумали, что бы отделаться от раз'едающего противоречия...

«И я послал мой отказ Географическому обществу».

В следующем году Кропоткин уже становится членом кружка Чайковского. Целью этого кружка сперва было лишь саморазвитие. Члены кружка считали, что для всякой общественной деятельности, прежде всего, необходимы нравственно развитые люди. Они мечтали подготовить целый ряд таких людей, которые могли бы разбудить дремлющие массы народа и направить их на борьбу за полноправные права человека, за лучшее будущее. Среди этой подготовительной работы в 1874 году Кропоткин был арестован и посажен в Петропавловскую крепость, где вероятно и погиб бы от невыносимых для здоровья условий, если бы его не перевели в госпиталь, откуда ему удалось бежать в 1876 году и пробраться за границу.

Заграницей убеждения Кропоткина окончательно сформировались, и он стал одним из самых выдающихся проповедников того учения, которое известно под названием анархизм.

Основным законом человечества, по

мнению Кропоткин, является стремление от менее счастливого, к более счастливому состоянию. Изследуя жизнь человечества, мы замечаем, что оно состоит из обществъ, целью которых, как и всего человечества, является доставление своим членам наибольшего количества счастья, при наименьшей затрате человеческой силы. То, что называют обыкновнно прогрессом, есть верный путь, ведущий к этой цели. На пути к такому счастью люди встречают разнообразные препятствия.

«Новые идеи всюду зарождаются и стремятся пробиться наружу и найти применение в жизни; но развитие их задерживается инертностью (неподвижностью) тех, чьи интересы требуют поддержания старого порядка, и идеи эти задыхаются под гнетом давно отживших предразсудков и традиций. Политические, экономические и общественные учреждения рушатся, и общественное здание, ставшее непригодным, лишь препятствует развитию тех ростков, которые пробиваются сквозь его щели и вокруг него... Тогда наступает пора великих событий, круто порывающих нить истории и выбивающих человечество из наезженной колеи на новый пуь. Революция становится необходимостью... Человек сознал свое место в природе, он сознал, что учреждения суть не что иное, как его же создания, и что им одним они могут быть пересозданы...»

Способы пересоздания общества, конечно, для каждого могут представляться различными. Но, при всех различных во мнениях, по мнению Кропоткина, всегда должно быть признано одно основное требование безусловно необходимое для достижения счастья человечества. «Требование это, — говорит Кропоткин, — можно выразить в виде следующего положения: поступай с другими так, как ты желал бы, чтобы поступали с тобою при тех же условиях».

Рядом с этим требованием Кропоткин выставляе еще требование, дополняющее первое: «будь силен, предавайся со всей страстью мышлению и деятельности, так чтобы они были ключем—и тогда твой ум, твоя любовь и твоя энергия перельются в окружающих».

Но деятельность человека на своем пути встречает разнообразнейшие препятствия, в числе которых наиболее существенными являются: право, т. е. законы в связи с их исполнительными органами, — государство и частная собственность.

«Закон, по мнению Кропоткина, представляет искусное смешение обычаев, полезных для общества, которые соблюдались бы и помимо законов, и других обычаев, которые выгодны лишь господствующему меньшинству, массам же приносят вред и могут поддерживаться лишь путем устрашения... Закон, бывший сначала лишь сохранением обычаев, способствовавших сохранению общества, теперь является в руках богатых бездельников лишь орудием эксплоатации и порабощения трудящихся масс». «Что же касается до законов уголовных, то большею частью они являются ничем иным, как орудием мести со стороны государства, мести, унаследованной от времен варварского состояния, мести, возведенной государством в закон».

«Организованная общественная месть, именуемая Судом и Справедливостью, —говорит Кропоткин в своем докладе международному революционному рабочему конгрессу 1900 года, — есть пережиток, унаследованный нами из нашего рабского прошлого... Рожденное из времен закрепощения и рабства, учреждение суда служит в истории, чтобы удержать закрепощение и рабство, и продлить их существование. Это учреждение поддерживает в обществе идеи о необходимости мести, возведенной в добродетель. Оно служит школою воспитания в обществе противу - общественных привычек и наклонностей. Оно вливает в общественную жизнь целый мутный поток всякой грязи и разврата, развивающихся вокруг судов и тюрем, и проводниками его в обществе являются полицейский, палач, шпион, провокатор и быстро развивающиеся ныне агентства частного шпионства и т. д., причем этот поток грязи растет с каждым годом».

Общество будущего, по мнению Кро-

поткина, поймет, что закон есть не что иное, как закрепление и обоготворение обычаев и понятий давно прошедшего времени, и сумеет отказаться от этого идолопоклонства. Общество будущего найдет возможность обходиться без этого отжившего учреждения, «обратившись к вольному, свободно избранному в каждом случае третейскому суду; и найдет выход в более тесных сношениях, установившихся между всеми гражданами, равно как в воспитании привычек труда и общественности, при помощи всех тех могучих средств, которых не может не открыть общество, отказавшееся от передачи своей нравственной гигиены полицейскому и жандарму». Кропоткин полагает, что в будущем, для поддержания доброго согласия между членами общества, будет достаточно соблюдения обычных правил общежития, так называемого «обычного права», а подчинение ему будет достаточно гарантировано потребностью каждого в сотрудничестве, помощи и дружбе, и боязнью быть исключенным из об-ва.

Человечество на своем пути от менее счастливого к более счастливому существованию, отбрасывая ветхие формы жизни и создавая новые, отбросит в недалеком будущем и государство.

«Государство, говорит Кропоткин, создает целую армию чиновников, которые словно пауки сидят в своих сетях и видят свет только сквозь грязные окна своих канцелярий. Громадные, все возрастающие суммы, взимаемые государством с народа, всегда оказываются недостаточными; государство живет на счет будущих поколений и на всех парах несется к банкротству. Государство и война означают одно и то же; одно государство стремится ослабить и разорить другое, чтобы навязать ему свои законы, свою политику, свои торговые договоры, и чтобы обогатиться на его счет. Государство, которое первоначально должно быть защитником всех и, в особенности, слабых, в настоящее время превратилось в оружие, пускаемое в ход богатыми против эксплоатируемых, имущими против неимущих».

Но как же быть без государства, спрашивают робкие, близорукие люди? Ведь, стремясь разрушить государство, анархисты могут вернуть человека в первобытное состояние, в состояние непрестанной войны каждого против всех?

В своем сочинении «Государство и его роль в истории», недавно переведенном под редакцией автора на русский язык, Кропоткин указывает на блестящий исторический пример устройства вне государственного общежития. Этот пример представляют средневековые вольные города, которые «втечение первых двух столетий своего существования сделались центрами благосостояния для всего населения, центрами богатства и культуры, каких мы с тех пор никогда больше не видели. Справьтесь с документами, дающими возможность установить размер заработной платы сравнительно со стоимостью предметов потребления, и вы увидите, что труд ремесленника и даже простого поденщика того времени оплачивался лучше, чем в наше время труд наиболее искусного рабочего».

Но это счастливое для работника время не было временем тупой сытости. Это было время одного из наибольших под'емов искусства и науки, какие только помнит человечество. Рафаэль, Микель-Анджело, Леонардо де Винчи, Данте, Петрарка и множество других славных имен служат ярким напоминанием о расцвете той цивилизации, которая была создана в вольных городах средних веков. Взгляните на воздвигнутые этими городами знаменитые готические соборы, красноречивые свидетели под'ема искуства того времени. Обратите внимание на мелочи на мебель, на посуду, на предметы обихода и всюду вы увидите неопровержимое доказательство, что работник того времени не был частью фабричной машины, как теперь, но был развитым человеком, проникнутым любовью к своему труду.

Этот расцвет искусства был смят, эти вольные города раздавлены, но гибель пришла не от нашествия варварских полчищ. Тройственный союз военного, судьи и священника или погубили эти очаги средневековой цивилизамии, или в значительной

степени ослабили их деятельность. Воинственные государства опутали своими сетями вольные города и вытянули из них соки. Судьи постарались заковать жизнь в оковы законов, созданных еще в древнем Риме, а священники давили всякое проявление свободной мысли и, во имя будущего небесного блаженства и рая с ангелами, превращали настоящий мир в мрачный ад, населенный дьяволами.

В настоящее время власть государства достигла наибольшего развития. Но как дерево, достигшее пределов своего роста, близко к падению, как мыльный пузырь, растянувшийся до крайних пределов, должен лопнуть, так и государство, сказав свое последнее слово, должно разрушиться, уступив место иным формам человеческого общежития.

«В настоящее время, — говорит Кропоткин, — мы можем наблюдать рост анархического движения, т. е. движения, направленного к ограничению правительственной деятельности... Свободные союзы начинают присвоивать себе понемногу все поле человеческой деятельности. Большие организации, основанные исключительно на добровольном соглашении, становятся все более многочисленны». Примеров таких вне-государственных организаций мы видим множество. Таковы железнодорожные общества, общества страхования и другие коммерческие организации, общества подачи помощи потерпевшим кораблекрушение, всевозможные благотворительные общества и т. под.

«Особенного внимания, по мнению Кропоткина, заслуживает о-во Красного Креста: избивать людей на поле сражения остается задачей государства, но это же самое государство об'являет себя неспособным оказать помощь своим раненым и большую часть этой задачи предоставляет частной инициативе».

Какие формы примет общественная жизнь людей будущего, сказать невозможно, но каждый может рисовать себе такие формы грядущего строя, к осуществлению которых он должен стремиться.

Кропоткин полагает, что люди будут соединяться в общины связанные общностью своих стремлений. Соединяться в такие общины они будут путем заключения договоров. Люди примут на себя обязательства по отношению к обществу, которое с своей стороны обяжется оказывать им известные услуги. Не будет надобности принуждать к выполнению этих договоров, не потребуется ни наказаний, ни судей. Исполнение договоров будет вполне достаточно гарантировано потребностью каждого в сотрудничестве, помощи и расположении окружающих. Того, кто не исполняет взятых на себя обязательств, ведь могут исключить из общества. Не будет на тюрем, ни каких либо других карательных мер, а против тех немногих вредящих об-ву поступков, которые еще будут совершаться, лучшим средством будет мягкое, любовное обращение с провинившимся, нравственное воздействие и свобода.

Очень часто думают, что грандиозные предприятия, составляющие гордость нашего времени, вроде прорытия огромных каналов, туннелей, постройки железных дорог, станут невозможны с уничтожением государства. Но дело в том, что ведь и в наше то время все эти сооружения производятся большей частью без учасия государства различными предпринимателями, наживающими при этом огромные деньги. Если же за такие дела взялись бы несколько заинтересованных общин, то они выполнили бы все эти работы не только не хуже, но лучше подрядчиков, так как вся предпринимательская прибыль оставалась бы в пользу общин.

При современном строе сельско-хозяйственные продукты скупаются торговцами у крестьян и продаются городским рабочим, при чем громадные барыши остаются в руках скупщиков. Такие же барыши наживают и люди, устроившие фабрики, на которых городские рабочие изготовляют сельско - хозяйственные орудия, необходимые для крестьян. С уничтожением государства, городские и сельские общины будут просто обмениваться своими произведениями, не давая себя обирать ни торговцам, ни фарбикантам, ни правительст-

венным чиновникам, как это делается в настоящее время.

На своем пути к совершенствованию, человечество в недалеком будущем откажется от частной собственности, которая в наше время является источником множества бедствий. Ведь только вследствие существования частной собственности, образовалось то неравномерное распределение богатств, какое мы видим в настоящее время, когда в руках одних людей сосредоточены миллиарды рублей, а другие умирают от голоду, не имея возможности найти себе работы.

Многие предполагают, что существование мелкой земельной собственности, наоборот, спасает людей от нищеты, но и в Зап. Европе и в России мы видим как раз обратное. Крестьяне давно уже стали не настоящими собственниками земли, а прикрепленными к ней батраками, все силы которых уходят на уплату процентов ростовщикам - банкирам и податей государству.

Существование частной собственности создать целый класс людей с туго набитой мошной, стремящихся лишь к непрерывным наслаждениям, праздных и распущенных, которые, как замечает Кроопткин, отдаваясь своим животным инстинктам, «непременно будут обезчещивать женщин и детей, развращать искусство, театр и прессу, продавать свое отечество и его защитников, а так как они слишком трусливы, чтобы самим стать убийцами, то они будут посылать на бойню отборную часть народа, как только у них явится боязнь за свою мошну.»

Частная собственность нарушает справедливость, говорит Кропоткин. «Все накопленное богатство произведено совокупным трудом всего общества и притом трудом, как настоящего поколения, так и всех прошедших. Дом, в котором мы находимся в настоящую минуту, имеет ценность лишь потому, что он находится в Париже, в этом прекрасном городе, представляющем наслоение труда двадцати последовательных поколений. Если перенести этот дом в снежные пустыни Сибири, то он потерял бы почти всю свою ценность. Эта машина, изобретенная тобой, и на которую у тебя есть патент, содержит в себе труд пяти или шести поколений; она представляет ценность, лишь поскольку она является частью того огромного целого, которое мы называем промышленностью 19-го века. Переправь твою машину для вязания кружев в Новую Гвинею к (дикарям) папуасам — и она утратит всякую ценность.... Наука и промышленность, теория и практика, изобретение и применение всего к делу, которое в свою очередь ведет к новым изобретениям, умственный и ручной труд, —все связано одно с другим. Всякое изобретение, всякий успех, всякое увеличение принадлежащего нам запаса хозяйственных благ, обязано своим происхождением всей совокупности физической и умственной деятельности прошлых и современных поколений. Следовательно, какое же право имеет кто- нибудь присвоить исключительно себе хоть самую ничтожную часть этого громадного целого и сказать: это принадлежит мне, а не вам».

Человечество, в своем стремлении к совершенствованию, мало-по-малу уже начинает переходить от частной собственности к собственности общественной. Дороги и мосты, составлявшие частную собственность, владельцы которых брали с прохожих и проезжих деньги, становятся общественным достоянием. Картинные галлереи, музеи, сады, библиотеки и т. п., становятся общественными и безплатными. Появляются безплатные театры. Во многих городах население безплатно снабжается водой в неограниченном количестве. Существуют даже проекты безплатных железных дорог.

Но несмотря на все эти признаки будущего строя, для многих осуществление его кажется слишком трудно достижимым.

Конечно, прежде всего придется озаботиться об удовлетворении самых необходимых потребностей. Для этого,—как предполагает Кропоткин,—достаточно «чтобы все взрослые члены об-ва, за исключением женщин, занятых воспитанием детей, обязались бы с 20 или 22-летнего до 45 или 50-летнего возраста ежедневно посвящать по

пяти часов на какую-нибудь из работ, считаемых необходимыми, при чем они будут пользоваться свободой выбора рода труда. О-во могло бы, напр., заключать с каждым из своих членов следующий договор: «Мы гарантирует тебе пользование нашими домами, житницами, улицами, средствами передвижения, школами, музеями и т. п., с тем условием, чтобы от 20-ти до 50-летнего возраста ты ежедневно посвящал бы по пяти часов какому - нибудь полезному труду. Во всякий данный момент ты будешь иметь право свободного выбора той группы, к которой ты хочешь примкнуть, или даже можешь основать новую группу, лишь бы она обязалась производить предметы первой необходимости.

Окончивши обязательную работу на поле или фабрике, всякий может посвятить остальное время удовлетворению своих артистических и научных склонностей. Любитель музыки, желающий приобрести рояль, вступит в союз фортепианных мастеров; он потратит известную часть своего собственного времени и вскоре будет обладателем желаемого инструмента. Тот, кто увлекается астрономией, примкнет к союзу астрономов, состоящих из философов, наблюдателей, счетчиков, оптиков, ученых и любителей; он получит желаемый инструмент, если только он посвятит их общему делу известное количество труда, так как всякая обсерватория нуждается в большом количестве грубого физического труда каменщиков, столяров, литейщиков и механиков... одним словом, те пять или семь свободных часов, которыми будет располагать всякий, после того, как он предварительно посвятит несколько часов производству предметов первой необходимости, будут совершенно достаточны, чтобы сделать доступными для него всякого рода предметы роскоши.»

Но ведь не всякий труд приятен. Существуют работы противные и тяжелые. Их будут избегать. Это правда, но для таких работ, во-первых, может быть уменьшено число часов труда, а во-вторых, как говорит Кропоткин, — «если в настоящее время еще существуют неприятные работы, то это об'ясняется тем, что люди науки никогда не ломали себе головы над тем, как сделать их более приятными; они всегда знали, что найдется достаточное количество голодных людей, которые за гроши будут работать и при существующих условиях. Ведь фабрики и заводы, и рудники могут быть совершенно так же гигиеничны и роскошно устроены, как лучшие лаборатории наших университетов; и чем совершеннее будет их устройство, тем больше будет доставляемый ими доход».

Каждый в боществе будущего будет трудиться сообразно своим силам и получать соответственно своим потребностям. Если же, чего трудно ожидать, случилось бы так, что каких ибо предметов потребления оказалось недостаточно, то их распределяли бы сообразно потребностям по порциям, при чем предпочтение отдавалось бы детям, старикам и вообще слабым.

Переход от весьма несовершенного существующего строя к более совершенному строю будущего произойдет, по мнению Кропоткина, путем социальной революции, путем насильственного переворота, который совершится сам собой; а подготовить к нему умы есть задача тех, которые предвидят ход постепенного общественного развития.

Чтобы новые идеи осуществились, говорит Кропоткин, «необходима страшная гроза, которая уничтожила бы всю гниль, своим дыханием оживила бы истомленные души и возвратила бы одряхлевшему, разрушающемуся и разлагающемуся обществу способности самопожертвования, самоотречения и героизма.» Кропоткин полагает, что для того, чтобы подготовить умы к революции необходимо сделать общеизвестной цель революции, т. е. необходима неустанная пропаганда словом и делом в самых широких размерах. Правильно оценить положение вещей могут в настоящее время лишь очень немногие. Массы народа до сих пор еще слишком невежественны. Пропаганда может принимать самые разнообразные формы, «но прежде всего, замечает Кропоткин, чтобы возбудить в народе смелость и дух возмущения, пропаганда до-

Стихи, мелкие заметки, сообщения

СОКРЫТЫЙ ХРАМ

Черный дым из фабричных труб,
И машины стучат неизменно.
Ты, рабочий, уверенно-труб
Равнодушно царишь над вселенной.

Вот когда ты стоишь у станка
Величаво - усталый, суровый,
Пребывает в груди у тебя
Силомер — мировая основа.

И когда ты могучей рукой
Осаждаешь стальные машины,
Верю я, что в судьбе мировой
Ты куешь самовольно судьбины.

Куй же счастье вселенское, куй
Безпощадно, удар за ударом.
Пусть падет кровожадный буржуй,
Над землею нависший кошмаром.

Поднимая тяжелый свой млат,
В буйном гневе разбей наковальню.
Труд велик! Труд безмерно - богат!
Жизнь людская темна и печальна!

Все металлы, гранит и эфир
Мощной воле рабочих покорны!
Старый мир, дряхлый мир, глупый мир
Пресмыкается в рабстве позорно.

Он пред властью постыдно дрожит,
Он хвалу воздает паразитам.
Храм Труда старым миром сокрыт.
Но дорога к нему не забыта.

Люд трудящийся помнит о ней,
Свято чтит ее светлые грани,
Храм Труда для свободных людей
Будет выкован в горне восстаний.

Животворный и радостный Труд!
Ты могуч! Твоя Воля едина!
Пред Тобою в безсильи падут
Все законы и все властелины.

Анатоль Консе.

«ФРИДОМ» НУЖДАЕТСЯ В МАТЕРИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКЕ

Товарищи из Англии прислали письмо, в котором они указывают на тяжелое материальное положение анархического журнала «Фридом», издающегося в Лондоне.

Журналу, в котором когда-то сотрудничали П. Кропоткин, Малатеста и другие известные анархисты, грозит закрытие, если своевременно товарищи не придут ему на помощь.

Адрес журнала «Фридом»:

FREEDOM:
R. Barr, 106 Coningham Road,
London, W. 12. ENGLAND

лжна влиять на массы всегда посредством примера». Примером же должны служить отдельные революционные действия наиболее энергичных и мужественных людей. Первые зачинщики, конечно, погибнут. Погибнут, вследствие равнодушия масс, и их последователи, но мало-по-малу геройство погибших привлечет к их делу сочувствие все большего и большего числа людей, и наконец. отдельные попытки борьбы превратятся во всеобщую революцию, после которой, на развалинах разрушенных государств, возникнет новый, более справедливый и совершенный общественный строй.

Кропоткин не думает, что насильственный переворот может превратиться в кровавый террор. По его словам, народ не возведет террора в систему, подобно царям и королям: народ желает своих жертв, он слишком добросердечен, чтобы ему вскоре не стала претить жестокость.

К сожалению, мы не имеем достаточно данных, чтобы разделить эти надежды автора. Просвещением народа слишком долго пренебрегали, терпением его слишком долго злоупотребляли, а воспитания о тысячелетних страданиях едва ли возбудят кротость и жалость почувствовавших свою силу народных массах.

Трудно предсказать те формы, какие может принять грядущий переворот, но каковы бы они ни были, друзья народа должны употребить все свои силы, чтобы чувство мести, так долго накапливавшееся в душе народа, не заглушило бы чувств справедливости и добра.

ОСУЖДЕННЫЕ

Трагичгски обманутому Г...

О страшное сомненье во всем!
Что если нас надули!

Уот Уитман.

Да, нас надули! нас грубо, пахально надули!
Крепко связали веревкой нелепых угроз.
Поп, моралист и ученый вилы глубоко ботнули
В грудь человека, как в мягкий навоз.
И в эти безумно-болящие, гнойные раны
Ядовитые змеи с зловещим шипеньем вползли,
И с тех пор мы напуганы мрачным покоем Нирваны,
Ужас смерти крылится и ширится в нашей груди.
Мы безсильны и злобны, живем точно в траурном склепе,
Всюду видим уродство, пороки, грехи.
Старый бог, как вампир кровожадный, свирепо
В наше тело вонзает жесоткие когти свои.
И терзает, и мучит, и крови напившись досыта,
Жадно слушает жалкие вопли забитых рабов...
Наше горе смешно! наши слезы напрасно пролиты!
Влюблены мы в покой и привыкли к позозору оков.

Анатоль Консе.

КО ВСЕМ СОЮЗАМ, ГРУППАМ, КУЛЬТУРНО - ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫМ ОРГАНИЗАЦИЯМ И ОТДЕЛЬНЫМ ТОВАРИЩАМ

Уважаемые оварищи!

Вот уже несколько лет, как мы издаем свой журнал «Пробуждение», который в высшей степени необходим нам, а равно и всей российской колонии. Ежемесячный журнал для нас почти так же необходим, как пища, вода и воздух.

Уже несколько раз мы начинали ежемесячное издание журнала, и каждый раз как то дело не ладилось: то прекращался, то возобновлялся. Конечно, было много причин, которые являлись помехой укреплению ежемесячного журнала. Теперь уже десятый год, как «Пробуждение» неустанно ведет борьбу с современным рабсковластническим строем, несет свет и пробуждание в трудовую массу, сеет семена правды и зовет угнетенных и обездоленных к свободному обществу. Так как в 1937 году в апреле месяце исполнится десятилетие, то Федерация Рабочих Союзов Безвластников готовится выпустить юбилейный журнал «Пробуждение».

Поэтому убедительно просим все союзы, группы и культурно - просветитеьные организации прислать ваши лепты на это доброе идейное дело, а также прислать статьи и корреспонденции.

Посылая деньги, статьи и корреспонденции, должно указываться, что они для юбилейного номера журнала «Пробуждения».

Секретарь.

Открыта подписка
НА ЖУРНАЛ
ПРОБУЖДЕНИЕ

Орган Федерации Рабочих Союзов Безвластников Соединенных Штатов и Канады.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

НА ГОД — 1 ДОЛЛАР 75 СЕНТОВ. НА ПОЛГОДА 1 ДОЛЛАР

ПОДПИСКУ, ВСЕ ЗАКАЗЫ И КОРРЕСПОНДЕНЦИИ ПРОСЯТ АДРЕСОВАТЬ:

"PROBUZHDENIE"
9219 Russell Street, Detroit, Michigan

ПРОСЬБА К ТОВАРИЩАМ.

Ничто так не оживляет и не связывает читателя с журналом, как различные сообщения с мест о том, что происходит на фабриках, в шахтах, рабочих организациях и т. д.

Редакционная Коллегия "Пробуждения" просит поэтому товарищей присылать нам краткие сообщения, заметки и корреспонденции об анархическом и рабочем движении.

Мы также просим, товарищи, вашего содействия по распространению журнала, подысканию новых подписчиков, и об оказании ему вашей моральной и материальной помощи.

Только при дружной товарищеской поддержке журнал сможет выходить регулярно, и выполнять возложенную на него миссию распространения безвластнических идей свободы и международного братства людей.

С товарищеским приветом

Редакционная Коллегия.